

Виктор Грецкий

Zona O-Ха

Книга 1

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS

TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelredami

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

16+

Виктор Грецкий

Zona O-XA

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57409517

SelfPub; 2020

Аннотация

Большой опыт ведения разведывательной деятельности имперской России и сильные оккультные традиции Руси создали мощную систему отбора кандидатов в разведчики с учетом кармической зависимости, которая по наследству перешла стране Советов. В результате такого отбора в подразделения ГРУ попали люди с высокой степенью очищения кармы. Космический разум все еще мог посещать их сознание. Это тут же было использовано противоборствующими силами Света и Тьмы в качестве ловли на живца. Содержит нецензурную брань.

Книга 1. ЧЁРНАЯ ДЫРА

Христос воскрес, моя Ревекка! Сегодня, следуя Душой
Закону Бога-человека, с тобой целуюсь, Ангел мой!

А завтра к вере Моисея за поцелуй я, весь немея,
Готов с улыбкой приступить и даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея от православных отличить.
(А.С.Пушкин)

ВМЕСТО ПРОЛОГА

(из переписки с Батеневым)

"Дорогой друг! Высылаю Вам первую книгу моего романа «Зона О-Ха», замысел которого сводится к тому, чтобы приоткрыть читателю тайный смысл написанного в священных писаниях еще две-четыре тысячи лет назад. В них, в частности, говорилось, что рубеж XX и XXI веков – это время последней, и небывалой битвы между Силами Света и Тьмы (грозный Армагеддон).

Но Армагеддон, как известно, не вечен и когда-то наступает решающий момент. Смысл всех происходящих сейчас на Земле событий заключается в том, что как раз они то и являются решающими, и что все они связаны как друг с другом, так и с нашим прошлым и будущим.

Вне сомнений, мы не одиноки в Космосе. Существует

бесчисленное множество Вселенных, как со сверх цивилизациями, так и с примитивными (начальными) формами жизни, и у каждой из них свой Творец – Космический разум. Он помогает эволюционному развитию и совершенствованию своей Вселенной.

Цепь перевоплощений и параллельные миры даны человеку как неперемное условие его развития. В течение многих воплощений и постоянного совершенства Душа человека накапливает истинные знания и высокие духовные качества, которые сохраняются в последующих жизнях.

Все мы проживаем множество жизней, пока, наконец, нам не удастся достичь Просветления и порвать этот замкнутый круг перерождений. Целью долгого пути перевоплощений является превращение обычного земного человека в Богочеловека.

Именно об этой далекой цели сказал Иисус своим ученикам: – Вы боги. Совершенствуйтесь непрестанно и будьте совершенны, как Отец ваш Небесный есть. Но бессмысленно пытаться попасть в стан Богов в одиночку, достигнув личного совершенства и просветления. Нужно не только достичь совершенства самому, но и помочь достичь его своему ближнему. Взять с собой по своим силам столько, сколько сможете вывести, ибо единица – это Абсолют, а Абсолюта в нашем трехмерном мире просто не существует.

Очевидно, что эта тема сложна и поэтому захотелось

несколько упростить и приземлить ее. Так появился замысел – показать отдельные моменты в виде шутки или некоего стеба. Надеюсь услышать и Ваш отзыв или замечания относительно написанного и продолжения задуманного.

С уважением и глубокой признательностью В. Грецкий".

Часть 1. НАВИГАТОР

Глава 1

Шел тридцатый день, непонятно какого по счету Великого поста третьего тысячелетия от Рождества Христова. Жители планеты Земля, и те, кто соблюдал пост, и те, кто не соблюдал, в душе посмеиваясь над постившимися по-прежнему, продолжали уделять основное внимание материальному миру.

Жизнь текла своим чередом. Человечество как и прежде считало своим главным врагом стихию, которая еще была неподвластна ему, но относилось к ее капризам философски. Земляне понимали, что природные катаклизмы могут унести довольно большое число жизней, но совсем не видели здесь особых причин для сильного беспокойства ибо, опасности в целом для людей, как вида, они не замечали. Небольшие же потери, происходящие из-за стихийных бедствий, войн или отдельных несчастных случаев, они научились переживать.

После очередного катаклизма человечество – как вид,

как правило, быстро восстанавливалось, и жизнь текла дальше. Ближайшей угрозой для себя и для планеты в целом люди считали астероид величиной в пятьдесят километров в поперечнике, который, по расчетам ученых ведущих стран мира, с огромной скоростью двигался к Земле и через несколько тысяч земных лет должен был приблизиться к ней на опасное расстояние. После чего вероятность столкновения с ним стала бы реальной. Но это были дела далекого будущего, и земляне не проявляли по этому поводу ни малейшего беспокойства.

Однако, настоящая угроза была уже совсем рядом и состояла совсем в другом. Она была гораздо больше и намного опаснее для человечества. Название ей было – ЧЕРНАЯ ДЫРА.

Это была совсем маленькая Черная дыра, способная без остановки времени и видимого нарушения находящегося рядом космического пространства, за считанные доли наносекунды заглатывать тела, состоящие из плотной материи, величиной в сотни раз превышающие размеры Солнца. Это был редчайший экземпляр Тьмы! И этот космический монстр находился уже на расстоянии каких-нибудь одиннадцати тысяч световых лет от Земли.

Среди своих подруг она именовалась Крошкой Кэт, и была самой коварной и прожорливой дырой этого страшного места в Макрокосме, именуемого Зоной Хаотической чехарды, близкой к Абсолютному Хаосу и полной Тьме. Никто

не знал ее истинных размеров, потому что, как и все остальные Черные дыры, она увеличивалась в размерах вовнутрь, оставаясь всегда маленькой.

Но главное, что пугало ее подруг и недругов, было то, что Крошка Кэт являлась, пожалуй, единственной из всех черных дыр, кто мог вытаскивать плотные космические тела с огромного расстояния. Для этого Кэт находила у них пуповину (энергетической сгусток, начало всех начал) или как она любила говаривать ЗКПР (замаскированный командный пункт Разума) и, нацепив его на свой крючок, подтягивала любую планету.

Она как бы постепенно наматывала на себя это тело, начиная, как правило, с вытягивания Ноосферы или менее плотных слоев космической рыбки. Крошка могла подойти вплотную к самой удаленной галактике и, наслаждаясь своей невидимостью, поглощать последнюю в любой очередности.

Иногда, насытившись раньше времени, она оставляла планеты в покое, высосав из них только самое ценное – Разум. Для нее это была занимательная Игра! Безжизненные космические тела ее не сильно привлекали. Сверстницы Кэт восхищались ею! Однако, многие Черные дыры, постарше возрастом, всерьез опасались Крошки.

Они могли предположить, что, наигравшись, Кэт может выступить против любой из них. Так как истинных размеров ее не знал уже никто, некоторые даже полагали, принимая во внимание ее черноту и повышенную упругость, что эта

маленькая Черная Дыра близка к Абсолюту, хотя и считали это почти невероятным, но чем черт не шутит...

– А, вдруг, началось движение, которое мы пока не можем почувствовать? – лихорадил всех вопрос. Посему, учитывая пока еще игривый характер последней, Кэт было предложено поохотиться в достигаемых, но очень отдаленных и опасных для них всех уголках Макрокосма, пограничном пространстве между Светом и Тьмой – Зоне Организованного Хаоса (сокращенно – Зоне О-Ха). Здесь формула успеха звучала как «fifty-fifty».

Подруги Кэт предполагали, что что-нибудь подобное (например, обратный двойник Крошки) есть и в Светлом Космосе и в тайне надеялись на их встречу в Зоне О-Ха, желая последней успешного поражения в этой борьбе. На удивление всех Крошка Кэт быстро согласилась на сделанное ей предложение.

– СЯДЬТЕ НА МЕСТА, БОЙ! ВЫКЛЮЧИТЕ СВЕТ, БОЙ! НАЧАЛАСЬ ИГРА, БОЙ! – разносилось громом по всей округе весёлое пение Крошки, услышав которое все остальные Чёрные дыры шарахались в разные стороны и даже перелетали на другой, предназначенный для экстренной эвакуации уровень.

Азарт овладел Крошкой полностью. Девочка, вдруг, поняла, что уже никогда не сможет остановить себя, пока не увидит, кто же так искусно ей сопротивляется, находясь на другом конце Вселенной, в довольно вялом космическом

пространстве именуемом – Зоной Организованного Хаоса.

Глава 2

Итак, шел уже тридцатый день поста. То, что это был именно тридцатый, а не двадцать девятый или тридцать первый день Гиров знал хорошо, так как в этом году сам держал пост. Причем еще до начала поста Саня считал необходимым предупредить об этом всех близких. К слову сказать, это его решение никого не удивило, потому как домашние и друзья держали пост уже не первый год.

Пост был необходим Гирову прежде всего, как он считал, для укрепления Духа. Кроме этого, он в тайне надеялся, что пост поможет восстановить ему утерянную связь Души с Космосом.

Однако, пост давно перевалил за половину, а никаких существенных изменений в себе Гиров не примечал, впрочем как и не испытывал абсолютно никаких трудностей с соблюдением последнего. Наоборот, это его как-то забавляло и местами даже поднимало настроение. Во всяком случае, там где раньше Саня мог вспыхнуть как спичка, наорать и потом минут десять-пятнадцать курить безостановочно одну сигарету за другой, или дернуть для успокоения полста, а то и сотенку вискаря, сейчас он лишь ухмылялся, крутил фигу в кармане и мысленно говорил себе: – Спокойствие, Александр, только спокойствие. Ты на посту.

Итак, шел уже тридцатый день поста, когда Гиров, придя

с работы, решил поправить наброски утреннего стиха. Усевшись поудобнее за письменным столом, он еще раз внимательно прочитал пришедший к нему во сне сонет. Все строки стиха были, практически, готовы, но вот расположить их в том порядке, который бы устроил Саню, ему никак не удавалось.

Да и окончание сонета распалось на два варианта. Он мог заканчиваться либо:

Иль разорвем Гордия узел,
Иль снова узы обретем,
Но следуя своим путем.

Либо:

Гордия узел развязав,
Мы сможем Крылья обрести
И воспарить, а не ползти.

Причем во втором варианте Александр никак не мог поймать мысль как же все-таки надо писать: – Гордия узел развязав, или Гордия узел разрубив.

– Ладно, рубили уже, – решил Гиров. – Лучшее – враг хорошего, а то протру до дырки, – устало подумал он и, умышленно поставив в конце стиха внушительную точку, еще раз, напоследок, пробежался взглядом по написанному:

На круге черном белый снег,
Своей невинностью сверкает,
Словно любому предлагает,
Проверить иноходью бег.

Порвать сансары узы враз,
И, скинув кармы покрывало,
Судьбу свою начать сначала,
А там уже как Бог нам даст...

Гордя узел развязав,
Мы сможем Крылья обрести
И воспарить, а не ползти.

Глава 3

Точка получилась солидная. Огромная, жирная, хорошо заметная она стояла в конце стиха и нагло посмеивалась над всеми впереди ее стоящими буквами, словами, строками и даже целыми четверостишиями. К самому же Стиху в целом она относилась уважительно и даже с некоторой опаской. Только он – Стих мог в одночасье сделать из нее многоточие, или вообще выкинуть из произведения.

– Настоящий конец – делу венец, – важно подумала она про себя и, провернувшись на сто восемьдесят градусов, весело уперлась в последнее слово «Ползти».

– Вот так, – пыхнула она гелем на стоящее перед ней Ползти. – И не холодно. А ты думал, что ты тут последний из Могикиан? Кто ты такой ваще? Кто вы все здесь такие? Да, никто. А вот я точк! Конец, всему делу венец! Вот я стою здесь последней и, значит, все – абзац, работа закончена. А не было бы меня, стояла бы какая-нибудь запятая или того хуже многоточие, будь оно неладно..., – тут Точка чертыхнулась так, что Ползти отпрыгнуло к приставке «Не», воспользовавшись тем, что между ними был пробел.

– Ну, блин, достали уже эти озабоченные, – застонала приставка, которая была так морально измотана ожиданиями (поставят ли ее в этот раз наконец-то самостоятельно или опять с кем-то сольют), что у нее было только одно желание – поспать.

– Слышь, отрыгни, а? Че прилип? Иди на свое место, будь чеком, – плаксиво засопела она.

– Да, погодь ты, не кипишуй, – зашипело Ползти. – Тут точка опять выкобенивается, дай пять сек, плиз. Щас старшой отреагирует, я моментально отлипну от тебя.

– Старшой, старшой, – капризно поджала губки Не. – Сам-то вон из пяти букв состоишь и какой-то мелкоты одноразовой боишься. Не стыдно, а?

– Стыдно, когда видно, – плотнее прижимаясь к Не, еще тише прошипело Ползти. – Ты просто ее не видела ни разу. Тебя ж последней-то никогда не ставят, – улыбнулось Не.

– Эта, ну просто монстр какой-то. Убийца строки, а не то, что слова. Да, и какая тебе разница, все равно уже никто толком не знает где тебя писать отдельно, а где слитно, – натянута засмеялось оно. – Ч-е-е-е?

– Ч-е-е-е? – передразнило Ползти частицу. – Не ЧЕ, а ЧТО, деревня блин, только отрицать все и научилась, больше ничего не умеешь, не знаешь и самое обидное для нас всех знать не хочешь.

– А зачем мне, – весело закатилась Не. – Все равно вы без меня никуда. Вон ты сколько меня воткнул в последнем предложении. Да, не прилипай ты ко мне так, – попыталась она оттолкнуть Ползти.

– Озабоченный, – опять зло прошипела Не, понимая, что с Ползти ей не справиться.

– Конечно, толще меня в пять раз, вот и наглеешь.

– Ты особо-то не переживай, я твою невинность не нарушу, – хохотнуло Ползти. – Я ведь все же среднего рода. Мне все эти ваши примитивные плотские утехы по барабану, – важно надуло оно первую букву.

– Какого еще такого среднего рода?

– Какого еще такого среднего рода, – опять передразнило ее Ползти. – Грамотеюшка, блин. Хотя, что это я тут распинаясь перед тобой. Ты количество букв-то во мне посчитать не в состоянии. У меня их не пять, а шесть, между прочим, чтобы ты знала.

– А что такое шесть?

– Шесть – это пять плюс один, – отвлекшись разговором с Не и на некоторое время позабыв о точке, уныло прожурчало Ползти.

– А, поняла, буду знать терь, а то я до этого тока до пяти могла считать, – ни капельки не смутясь, ответила Не.

– Ну, вот и ладушки, – услышали они голос откуда-то сверху. – Теперь и Не уже до шести считает. Да, и что такое средний род, тоже поняла, я думаю.

– Да-да, поняла, поняла, Вы уж, пожалуйста, его на место... ну, в общем пусть от меня снова отпрыгнет.

– Ну, голубушка, как скажете, – засмеялся Стих. – На место, так на место, но тогда уж не отпрыгнет говорите, а хотя бы отпрыгнет. А лучше так – Пусть он снова встанет на место.

– Понятно, спасибо большое, – покраснев пробубнила Не. Ей было одновременно и стыдно за свою безграмотность, и невероятно приятно, что наконец-то и она смогла пообщаться с самим Стихом. Ведь это было первый раз в ее жизни.

– Еще какие-то просьбы есть? – спросил Стих, обращаясь к Не и одновременно разглядывая точку. – Ух, какая она сегодня, прямо поросеночек, целая клякса, – подумал он.

– Да вот еще... если бы... ну, в общем, мне бы тоже хотелось хоть глазком...

– Да, не мямлите Вы, Сударыня, говорите членораздельно и внятно. Что бы Вы еще хотели?

– Поставьте меня, пожалуйста, один раз последней, так хо-

чется хоть одним глазком посмотреть на эту точку. Что это за чудище такое, что ее все так боятся.

– То есть в конец стиха Вы хотели сказать? Интересно, как это я Вас туда поставлю, – засмеялся Стих. – Да и не надо Вам на нее смотреть. Вы же совсем маленькая еще. Зачем же детей пугать, это неправильно. И не ко мне этот вопрос. Не моя компетенция, Сударыня. Такие вопросы решаются там, – и Стих многозначительно поднял вверх всю первую строку.

– Там? – изумилась Не. – А что еще и там какое-то есть?

Но Стих уже не слышал ее. Он был весь поглощен установлением справедливости, порядка и безупречности в самом себе.

– Да это даже не поросенок, боров какой-то, – призывая на помощь одну строку за другой, пыхтел Стих.

Он бы мог, конечно, ударить сразу четверостишием или даже двумя по точке, и тогда она бы точно моментально отъехала, но здесь была другая опасность. Точка от сильного удара могла распасться на многоточие или вообще вылететь из стиха. В общем, работа предстояла весьма ювелирная и не терпящая резких движений.

– А все-таки интересная эта малышка – Не. Ишь, чего захотела, на точку посмотреть. Вот ведь штука какая! От горшка два вершка, а тоже туда же – поставьте последней, хочу посмотреть на нее! А, кстати, интересно все же можно или нет поставить Не в конец? Хотя не ко мне вопрос, – отмах-

нулся Стих от назойливой мысли и, добавив еще полстроки, аккуратно передвинул точку на свое место.

Глава 4

Гиров задумчиво пил чай. Жена сидела напротив и, видя, что он занят какими-то размышлениями, не донимала его своей болтовней и даже отложила на потом вопрос, который был припасен еще до его возвращения домой и очень ее беспокоил. У нее были два правила в жизни, которым она следовала уже долгое время. Первое правило – это никогда не будить спящего человека, и второе – не прерывать мысли других людей.

Второе правило Лели позволило сейчас Гирову спокойно и уже в домашней обстановке поразмышлять на тему – Солдат и Воин. Дискуссия на сайте разгорелась не шуточная, мнения разделились, все они были очень интересны и, несомненно, дополняли и друг друга, и багаж самого Александра. Но не это сейчас занимало его. Ему в голову лезла какая-то строка, даже не строка а целый монорим, и он его уже, практически, видел. Пусть смутно, пусть не весь, без отдельных слов, но он его видел.

– Надеюсь, воин я, а им разрешено, есть мясо... пить вино..., – в полголоса начал проговаривать он. Леля молча начала прислушиваться, по-прежнему ни слова не говоря.

– Ручка нужна, – глянув в ее сторону и улыбнувшись, тем

самым как бы извиняясь, что раньше окончания ужина встанет из-за стола сказал Саня. – Не убирай, еще допью. Он перебрался за письменный стол и начал писать:

Надеюсь, Воин я, а им разрешено
Есть мясо в пост, и пить (немножечко) вино,
Но вот уж третий день, как на меня в окно
С укором кролик смотрит... мне не все равно.

Саня отложил ручку. Монорим был закончен, но что-то продолжало его беспокоить. – Надо подождать, пусть отлежится, – подумал Саня, решив вернуться на кухню.

Уже двигаясь в сторону кухни и задумчиво бубня: – Надо ж дать, надо ж дать, – он, вдруг, остановился. Взгляд его уперся в лежащую на телефонном столике книгу.

– Воскресенье, – прочитал Гиров, взяв книгу в руки и, постояв неподвижно несколько секунд, повернул назад. Сев за стол, он стал медленно выводить:

Тридцатый день поста,
Я одинок как перст.
Ни Пушкина, ни Блока,
Ни... сурово.
Я в узел завязал себя, постясь,
А Бес... Бес мясо жрет.
– Толстого?

Да, увы, ведь нет у нас коровок.

Прочитал. Ему явно не нравилась залетевшая невесть откуда в его голову блажь. Прежде всего из-за нарушения слога в последней строке. Написание стихов Саня считал для себя таким приятным время проведением, но несмотря на это понимал, что если теряется слог, то и мысль начинает хромать и уходить с верного пути.

– Ладно, дозреет, – подумал он и пошел допивать чай.

– Написалось, – спросила Леля, когда он вернулся.

– Не до конца, – как бы извиняясь, улыбнулся он в ответ.

– Ясно. Санечек, я про Шурика нашего подумала. Может отправить ему в помощь парочку человек? Из приезжих? Узбеков, например? Они, я думаю, согласятся в деревню переехать, лишь бы там работа была.

– А что? – заметив удивленный взгляд мужа, заторопилась Леля. – Они хоть не пьющие, не подведут. Замучился ведь там совсем один сражаться с этим беспределом. Мало того, что Новый год с коровами одному встречать пришлось, так еще все две недели, как прокаженный, проработал безвылазно.

– Ага, а не проработал бы две недели, как ты говоришь, как прокаженный, и был бы для этих коровушек свой Освенцим, – грустно подытожил ее рассказ Гиров. – Хотя узбеки и на Севере... не знаю, не знаю.

– Поумирали бы все коровушки с голоду, – кивнула же-

на. – Ее ведь – матушку еще и доить надо по часам, а иначе мастит и воспаление молочной железы. . . , – Леля тяжело вздохнула, глаза ее стали наполняться слезами и она, решив, что лучше не стоит озвучивать всю вставшую перед ней картину, попыталась взять себя в руки.

– Да, повезло всем, что Шурик в прошлом году вернулся в деревню, – согласился с ней Саня.

Он вновь с горечью вспомнил рассказ племянника о том, как на Новый год все работающие с Александром в коровнике мужики и бабы, уйдя отмечать праздник, вернулись на работу уже только после старого Нового года, и ему в одиночку пришлось бороться за жизнь этих загадочных и до глубины души любимых им животных.

– Они, дядька, ведь прям как инопланетяне, – вспомнил Гиров рассказ племянника. – Смотрят, главное, на тебя огромными глазищами и такое ощущение, что все-все понимают и что-то сказать тебе хотят.

– Эх, Шурик, Шурик, – с нежностью подумал про себя Гиров. – Спасибо тебе за то, что ты есть.

Гиров вернулся к письменному столу и, еще раз посмотрев на коротенькое шутовское стихо, медленно затушевывал последнюю строку стиха, не весь откуда взявшейся в его руках гелевой ручкой, и поверх ее бледно нацарапал: – Нет, пока еще коровы.

Для своей охоты в Зоне О-Ха Кэт выбрала далекую и загадочную для нее галактику под странным названием – «Млечный путь».

– Там, наверное, одни молокососы живут, – подумалось ей, но она быстро отогнала эти мысли, так как привыкла относиться к любому делу, даже самому несущественному, абсолютно серьезно.

Информации было крайне мало, и поэтому необходимы были срочные превентивные мероприятия. Кэт приступила к подготовке экипажа НАВИГАТОРА, включив для них обратный отчет. Но, как ни странно, она никак не могла войти в контакт с противоположной стороной. Кэт забрасывала пучок своей энергии в самую середину интересующего ее пространства, но все было безуспешно. Его выбрасывало всегда на одно и то же место, как только он достигал цели.

Но больше всего Кэт поразило не это, а своя реакция на происходящее. Раньше она обычно в таких случаях приходила в ярость и размазывала своего соперника, прибегая к простому дедовскому способу, выбрасывая сразу до десятка энергетических пучков, и не оставляя последнему ни единого шанса на выживание. Но сейчас Кэт испытывала какие-то иные чувства, которые заставляли ее приходиться в восторг от увиденного.

– Во, дает малыш! – растекалась она в восхищенном хохоте! – И долго он так его будет выплевывать! Давай, мальчик, хватай уже!

Но "мальчик" упорно отворачивался от предложенного ему космического контакта, деликатно возвращая чужую игрушку на место. Кэт стала испытывать что-то похожее на азарт. Одновременно она поняла, что встретила достойного соперника, Игрока с большой буквы и по всей вероятности совсем не мальчика, хотя ей так хотелось, чтобы последнее предположение оправдалось!

– Ну что ж, кто бы ты ни был – эта борьба принесет мне небывалое наслаждение, – подумала она, ловя себя на мысли, что никогда не любила вялые игры.

– В крайнем случае, запущу два пучка, но не больше, – решила Крошка, не изменяя своей привычке, оговаривать все правила в самом начале, и никогда не менять их в ходе игры.

Не проглотить сразу, а поиграть и с наслаждением и не торопясь съесть весь этот лакомый кусочек, начиная с самого вкусного, вот чего она сейчас хотела.

– Или все, или ничего, – мелькнуло в ее верхних слоях. Ей необходима была ниточка, которая сама приведет ее к пуповине желанного кусочка материи, пусть даже этот кусочек окажется совсем маленьким. Кэт была согласна на все, только бы взять именно ЗКПР этого молодца!

Глава 6

– Эй, Козе'л, завтра, вместо Свалова, в забой!

– Я что, крайний? Свалов свалил и сразу Ко'зел?

– Свалов не свалил, а Свалова свалили, как собаку при попытке к бегству, Долдон! Смотри, и ты скоро горяхватишь, если много болтать будешь!

Так закончилась переключка, и вся зона разошлась ко сну.

– Здорово, Козе'л! Дурилка картонная! Я же знаю, что тебя такое обращение задевает. И я рад этому, потому что для меня ты Козлом всегда был, есть и будешь! И я, наконец-то, могу тебя достать!

– Что, тебя еще не опускали и ты не козел?

– Что? Ты вообще не сидел? А? Что, лучше быть козлом опущенным там, чем бараном безрогим при мне?

– Может, ты мне еще впаришь, что ты мертвый? Нет, корень, теперь-то уж я тебя точно достану!

– Так, у тебя еще вралка не выросла. Отвечать честно и быстро: на каком глобусе ты торчишь?

– Не знаешь что такое глобус? И как гондон на него натянуть, тоже, не знаешь?

– Тогда слушай, я тебе сам расскажу, что такое твой ГЛОБУС, и где ты на нем сейчас торчишь, как гвоздь в жопе.

Мозжечок молниеносно отсканировал получаемый сигнал.

– Однако, из дале'ка-далека' идет сигнал-то, – машинально подумал он. – Ку-д-да забрался Чемпи-и-о-он! Неужели?!

И тут, вдруг, главный локатор хоть и негромко, но очень

четко пропел: – Берегите Природу – Мать Вашу... Сомнений больше не было – это была Земля. Нельзя было терять ни мгновения. Пространство, вдруг, наполнилось обрывочными вибрирующими звуками: не думай... высока... наверное... поймешь... время... сам... наступит... секунда.

– Уводит, – судорожно подумал Мозжечок. – Знать бы сколько времени есть на привязку.

– Если упустишь – кранты, – донесся до него шепот, – опять Кочегаром будешь работать, но теперь уже в само-о-ой далекой тьму-таракани! Оттуда еще никто не возвращался! Пространство наполнилось диким хохотом, от которого в галактике с экзотическим названием – "Млечный путь" сразу потухло несколько стареньких звезд.

Первое правило Воина пронеслось в голове: – Если ты не можешь на таком расстоянии убить его, попытайся уболтать на максимально длительное время. Необходима точная привязка по месту на этом шарике. То, что этот шарик Земля, сомнений не оставалось.

Замысел Кэт был предельно прост. Она прекрасно понимала, что Зона Организованного хаоса, это зона борьбы, где может быть только один победитель: или она, или ее, но это не пугало Крошку.

– После этой разборки, меня уже не остановит ничто, – решила Крошка, догадавшись о злобных планах своих подруг.

Особенно ей была ненавистна огромная черная дыра по прозвищу – Эпидерсия. Эпидерсия была ее главной со-

перницей и по всему уже давно очень искусно плела против Крошки нить тайных интриг. Крошка даже догадывалась, на что в тайне надеялась эта старая рухлядь, но вслух это озвучивать не хотела.

Сейчас ей предстояло выдержать этот экзамен и выйти из битвы победителем. Для этого Кэт как всегда подготовила свою последнюю разработку под названием Навигатор. Практически, это был кусочек материи самой Кэт, с которым она могла расстаться абсолютно безболезненно. Даже потеря ста таких частей не сулила ей больших неприятностей. Крошка умела за очень короткое время восстанавливать запасы своей энергии. Но тем не менее она всегда дорожила Навигаторами и не было еще случая, чтобы последний, после выполнения поставленной перед ним задачи, не возвращался обратно.

Новинка Навигатора заключалась в том, что он мог работать как единым механизмом, так и отдельными частями, экономя тем самым свою энергию в несколько раз. Обычно у него включалась в режим активной работы только та часть, которая отвечала за конкретно выполняемую работу. Как правило, отдельными зонами выступали:

- зона физической активности – Жопка;
- ментальная зона – Язык;
- зона витальной активности – Мозжечок (Мозж) или, как его чаще все называли, ВГ (Внутренний голос);
- зона сверхразумной чувствительности, куда входила Го-

лова и все ее части (кроме Мозжечка). Собственно, это и был сам Навигатор, его основная головная часть, сокращенно САМ (Самонаводящийся Автоматический Механизм).

На случай кризисных ситуаций была заготовлена еще одна рабочая Зона – Зона Трансцендентной активности. Но, честно говоря, малышке и самой не хотелось пускать ее в дело, несмотря на свой злющий характер. Какой-то только ей известный кодекс чести сдерживал ее от применения последней. Но, как говорится, «на всякий пожарный», она считала, что «один боевой» ей нужен. Кэт называла зону трансцендентной активности – РКК (Резерв Крошки Кэт), или просто – Беспредельщики.

Глава 7

В работу снова был введен Язык. Он никогда не упускал возможности поболтать на халяву.

– То что ты на нем сидишь у тебя пока не вызывает сомнений? – спросил он у невидимого собеседника, кивком головы показывая Мозгу, мол работай, я зацеплю его.

– Нет, ты не в нем, а на нем. В нем ты будешь, когда в ящик сыграешь.

– Так вот, браток, знай, жизнь – штука полосатая. Полоска белая, полоска черная...

– А? Ты меня уже козлом называешь? Говоришь, что это ты еще в брюхе у мамки знал? Это хорошо.

– Хорошо говорю, что у тебя брюхо было. Значит не клон, и еще Человеком можешь стать. Значит с тобой еще можно говорить по-человечески.

Голова почувствовала, как программа самостоятельно плавно включилась и начала закачивать необходимую информацию.

– Только бы успеть, – мелькнула у нее мысль, в то время как Язык решительно продолжал делать свое дело.

– Столько клонов вокруг развелось, что нормального Козла встретить – стала большая редкость!

– Ну, здравствуй, Козе'л! Дурилка картонная! Мне до фени, где ты: в Калифорнии, на Канарах, или на Колыме...

– Последнее место не знаю, – мелькнула мысль в Накопительном устройстве Навигатора, – опять Язык импровизацией занимается. Она его когда-нибудь доведет до цугундера или полного обрезания. Ишь, как шепелявит сука! Это из-за него мы все горе хлебаем уже третье тысячелетие.

– Не отвлекайся, – зашипело Левое полушарие. Это он время тянет. Ты ж, сволочь, старая рухлядь, опять не успеваешь закачивать мозги. Давно я говорил, что тебя надо в расход.

Накопитель задрожал, представив процесс переплавки, и, забыв о Языке, напрягся до предела.

– Мне до фени где ты в Калифорнии, на Канарах или на Колыме, – повторил Язык, зло плюнув в сторону накопительного блока. – Кстати, как Колыма? Не сидел, не знаешь?

– Все отлично, – захохотало Правое полушарие, – есть привязочка! Россия – мать вашу!

– Кончай, Язык, отдыхай! Всего лишь одна восьмая часть суши на этой гребаной планете! Потери будут даже меньше допустимой нормы, всего двенадцать процентов.

Но произошло что-то не стандартное. Время не остановилось, пространство не сжалось, как это обычно происходило при захвате в тиски Крошкой Кэт, очередной планеты. Космический разум ее угрюмо молчал, а эта уже обреченная планета, под названием Земля, продолжала спокойно висеть на месте, как ни в чем не бывало. Один только Язык напряженно продолжал свою байду, причем совсем уже не картавя.

– Золотишко отмываешь, или уже лес валишь? В Лефортово подтянут? А до этого в Нигерии прел на нарах? Все, я тебя достал и ты отваливаешь? Отваливай, я тебе еще раз говорю, мне по барабану кто ты: Крестный отец, или урка последняя; в законе, или шестеришь; новый русский, или старый еврей. Я знаю одно...

– Язык обречен, – пронеслась информация через Левое полушарие. – Это царпанье его уже не спасет, но нам может оказать такую Услугу!

– Давай родной, давай еще чуть-чуть, не время сейчас обижаться, – видя затравленный взгляд Языка, взмолился Накопитель. – Знаю, что я козел и все мы козлы. Выноси, родной, промашка вышла, сам видишь.

В это время на Земле заговорили сразу четыре ранее спящих вулкана, и левый глаз Навигатора моментально превратился из зеленого в лиловый, увеличившись в размерах в три раза.

– Я знаю одно, – вновь повторил Язык и сделал большую паузу. – По-моему я еще здесь, – вихрем пронеслось в его сознании и сразу отдалось одновременно в каждой косточке.

– Я знаю одно, – уже увереннее снова сказал он, – то, что мы с тобой оба еще здесь в этом мире, который у нас принято называть материальным.

– Че несет, – подумала Жопка, проснувшись. – Наверное, опять обрезание ему сделали вот и завелся, – зевнула она, но в это время у нее внутри что-то засвербело, и Жопка все же решила послушать и разобраться, что ж тут все-таки происходит, чтобы не оказаться как всегда крайней. Таким образом, весь организм Навигатора стал работать как часы.

Языку полегчало. Он понял, что в этот раз пронесло. – Крайний был раз, – мелькнула у него предательская мысль, от которой он заговорил в три раза быстрее.

– Вот, а теперь вернемся к нашим баранам, – подмигивая всем сразу двумя глазами, сказал Язык, уже точно понимая, что пеленг взят, и ниточка не оборвалась.

– Ты зря обиделся на меня, брат. Про полосатую жизнь знают все, но не все знают, как эти полоски расположены.

– На самом деле они вертикальные. Вертикальная белая и вертикальная черная. А ты поднимаешься снизу, вверх по

этому дерьму под названием Жизнь.

– Не согласен, так как у тебя каждый год по несколько раз черные и белые бывают? Я туфту гоню? А ты напряги мозги и представь себе без бумаги и карандаша все это. Если удасться, тогда ты сможешь в дальнейшем и в забое себе это представлять, и не только это. А значит, постепенно научишься перемещаться из этого сраного материального мира в другой, который, я тебя уверяю, гораздо прекраснее.

– Ты спрашиваешь меня, верю ли я сам в это фуфло? Не имеет значения для тебя, верю я в это или нет, – Язык опять многозначительно подмигнул друзьям, показывая при этом одними глазами на Мозжечка, – но я точно знаю, что это дает мне повод для мечтаний гораздо больший, чем вилла Шварца на Гавайях за пятьдесят лимонов!

– Во, дает Язычара, – завистливо крикнул Накопитель, который понял, что и для него самое страшное уже позади и можно посмотреть на этот концерт не напрягаясь как этот Мозж.

– А Язык–то мог сгореть. Сам спасся и нас всех вытянул! Че этот придурок Гироскоп все вертится? Шило ему в задницу вставили что ли? – глянул он искоса на Мозжа. – Эх, послушать бы, что отвечают Языку, – мечтательно подумал он. – Вот это настоящий кайф, услышать голос с того света, да еще с планеты, которой уже не существует.

Однако, четкое распределение обязанностей строго карало за это любого. Каждый имел доступ только к своей ин-

формации, отвечая за конкретный участок.

А Язык тем временем сладко продолжал: – Это я-то Долдон? А знаешь ли ты, что такое Долдон? Нет дорогой! Это всего лишь человек, медленно усваивающий информацию. А медленно, как ты сам понимаешь, понятие относительное. Для меня это может быть медленно, а для тебя будет очень быстро!

В это время все части тела Навигатора, уже расслабившись, посмеивались над импровизацией Языка, которая самое большое удовольствие доставляла, несомненно, ему самому. Один лишь только Мозжечок хмуρο крутил и крутил свою витиеватую голову, то быстро и нервно в разные стороны, то, вдруг, судорожно и до самого упора только вправо, вправо, вправо.

– Че он хочет, – мельком подумалось Языку. – Ну, я уже оттягиваюсь, а он то что?

Но вопрос быстро исчез, и приподнятое настроение победителя вновь вернулось к нему.

– Так на чем мы остановились? Ага, это хорошо, что ты меня тоже козлом называешь. Хорошо что мы козлы, а не бараны. Хотя в принципе можно и баранами быть. Все лучше, чем стрелять друг в друга. Вот сейчас в Штатах в Калифорнии сенатора выбрали. Шварц там первым номером стал. Крутой мужик, уважаю! Но я бы проголосовал за порно звезду.

– Почему? Да потому что предвыборные лозунги у нее хо-

рошие. Вот, например: – Предлагаю все оружие в штате поменять на порно кассеты. Чем плох? А? Хотя, это маленькое отступление. Спросишь для чего? – Язык опять весело подмигнул всем.

– Во-первых, для того чтобы показать тебе, что в этом мире все относительно; а во-вторых, чтобы сделать привязку по месту и времени.

Тут все громко заржали, поняв, что сеанс закончился и на том конце связи сейчас уж точно должны понять, что их время кончилось. Но, как ни странно, ничего не изменилось и даже волны, доносившиеся с противоположного конца связующего устройства, стали слышны всем присутствующим. Они были тихие и спокойные.

Казалось, им не угрожало ничего, и они не догадываются об ожидающих их ужасах.

– Доскажи лучше про полоски, – донеслось до всех. – Почему только две?

Язык на секунду онемел, но списал все на сильный изгиб.

– Ты не понял, почему только белая и черная? Ведь у тебя было и плохо в жизни, и очень плохо, и выть хотелось, и хоть в петлю? Ну тут ты, брат, не переживай, старик Шопенгауэр доказал уже, что этот ваш мир создан для того, чтобы вы познали страдание, а вовсе не для счастья. Так что здесь у тебя все О'кей.

– А, вот теперь я тебя заинтересовал! Ну, наконец-то в рот тебя Чих-Пых, как говорит Саня Каретный! Тогда отды-

хай, поспи, а я буду тебе во сне долдонить, как мы бороздим космические пространства. Это называется сеанс космическо-аутогенной тренировки. Ты спишь, а я тебя с другого конца Вселенной развлекаю!

– Ты понял, наконец, что видимая часть твоего материального мирка очень тобой самим заужена? И что на самом деле ты не опущенный и не супермен. Ты никто. Ты живешь в этом мире, чтобы сделать для себя выбор. И идешь ты в этой сраной жизни всегда по границе. Вся твоя жизнь – это пограничное состояние. Шаг в сторону, попал на черную полосу, понял что ошибся, осознал, вернулся назад на белую. Опять неверный ход, опять черная полоса. Не захотел напрягаться исправлять ошибку и поступать верно, пошел по черноте. И чем больше делаешь неверных шагов, тем темнее становится полоса.

– Теперь ты понял, что вся твоя жизнь на Земле – это пограничное состояния. Выбор между движением в черную, или белую полосы, между Добром и Злом.

– А чтобы тебе Долдону, тупарю неотесанному, все-таки в твое безмозглое сознание это вошло, я один раз разрешу себе сделать для тебя наскальный рисунок на твоем черепе, но изнутри, чтобы никто, кроме тебя, его не увидел. А все остальные разы тебе сама жизнь при каждой новой реинкарнации будет делать такие рисунки толстым XYZ на твоей тупой башке, – грубо выругался Язык, зло цыкнув сквозь зубы, и в нарушение всех инструкций направил две самых убитых

схемки в сторону движения волнового потока.

– Понял, Долдон, что есть твой мир, и что все зависит от дел твоих? А понял ли ты, что видишь этого твоего мирка только малую часть. Это и есть твой Микрокосм в Макрокосме, который мы успешно сканировали, а ты и не въехал, – опять закартавил Язык. – И будешь ты здесь торчать теперь всегда, как наказанный вашим Христом вечный жид, так как для тебя эта пограничная полоса стала кругом, сансарой. Прощай, придурок!

Дальше события стали развиваться с невероятной быстротой! Все, вдруг, вернулось в начало пути. Язык, еще ничего не понимая, почувствовал, как он немеет. Голова Навигатора стала увеличиваться в размерах. Все присутствующие одновременно услышали вибрирующий звук: – Если вдруг ты что-то начнешь понимать, не говори никому, не надо...

Мозжечок, вздрогнув, повис с пеной у рта в воздухе успех прохрипеть: – Они нас перекрутили суки.

– Ну, что опять они нас переиграли, – холодно сказал САМ. – Три – один, однако. А должно было быть три – ноль. Один гад уцелел. Вот где теперь его искать? И кто он? Теперь придется побарахтаться на этой планете, а это ребята, я вам скажу, ой как не просто. Один вам совет старайтесь не забывать, что это Зона О-Ха – пограничное состояние Тьмы, а вы ее Воины, а значит, не имеете право погибать.

– И будьте безжалостны, как на войне! Все это было уже много раз. Хотя в этот раз мы как никогда близко подобра-

лись к нему. Пока отдохайте, а там посмотрим. Утро вечера мудренее. И помните, он остался один, но, как говорит мама (САМ всегда называл Крошку Кэт за глаза мамой) он опаснее целого легиона, потому что он Последний и он Игрок.

Глава 8

Валерьяныч проснулся в холодном поту. Он четко помнил весь этот кошмарный сон, который предательски проник в его подсознание уже под самое утро. Льву Валерьяновичу снилось, что его, зажав в углу курятника, пытается съесть огромный тигр, походу до этого одним Махом проглотивший петуха-многостаночника Федьку и единственную еще несущую у них яйца курочку Рябу, пытавшуюся с диким кудахта-ньем улизнуть от чудовища во двор через щель, образовавшуюся в результате удара хищника лапой по доскам халупы.

Вот огромная пасть хищника уже совсем рядом, вот голова Валерьяныча уже внутри ее и он явно чувствует идущую откуда-то снизу вонь и смрад от еще непереваарившихся ранее съеденных кусков мяса. Еще СЕКУНДА... и-и-и-и-и-и-и-и...

По телу Льва Валерьяновича пробежала судорога, он, резко дернувшись, на какое-то мгновение замер и тут же, как ошпаренный, выскочил из постели.

– Грёбанный сон, поспать не дал! – прислушиваясь к биению своего сердца, которое готово было выпрыгнуть из груди, весь сгорая от досады прошипел Лев Валерьянович. Он

взял подушку, хорошенько помял ее, и, перевернувшись, лицом к стене вновь попытался заснуть. Но в этот момент тяжелый удар обрушился на его голову и он понял, что уходит из этого мира навсегда.

Утром врачи Воркутинской зоны констатировали, что в бараке номер шесть от кровоизлияния в мозг скоропостижно скончалось сразу трое заключенных. Ни один из них не имел ни родных, ни близких, поэтому руководство зоны приняло решение хоронить их на тюремном кладбище близ каменоломни.

Четвертого заключенного, оказавшегося в тяжелой коме, решено было отправить в Москву в Склифа, так как у него там жила тетка (единственный родственник), которая сразу же откликнулась, согласившись приехать и сопровождать больного до Москвы. Хотя, как вы понимаете, необходимости в этом никакой не было.

Фамилия зека была – Ко'зел.

Наступала весна 2003 года. На смену «Рыбам» спешил «Водолей» и Россия, которой этот знак покровительствовал вот уже двадцать тысяч лет, пыталась зацепиться своими маленькими только что проступившими корешками хоть за что-нибудь, чтобы, наконец, выполнить до конца свою историческую миссию и выступить главной цементирующей силой в этой беспощадной и безжалостной битве Добра и Зла.

Глава 9

– ...убей мою подругу, убей мою подругу, убей мою подругу. Если не сумеешь, я помогу, но из-за нее мы ходим по кругу. Убей, убей, убей...

Сознание возвращалось медленно: – ...убей мою подругу, убей, убей, убей.

– Да хоть бы ты ее, што ли, вже вбыл, – сказал Внутренний Голос, почему-то переходя на одесский диалект.

– А почему я? Чуть что – сразу Федя, – обиженно засопело Сознание, пытаюсь понять в чем дело и, как всегда в таких случаях, затягивая время. Одновременно оно усилием силы воли, привлекая для этого только левое полушарие и давая тем самым правому отдохнуть по максимуму, до последней секунды, пыталось включить интеллект и открыть только один правый глаз. Почему Штирлиц, просыпаясь, открывал всегда только один правый глаз, он не знал.

– Интуиция, наверное, – подумал он, когда поймал себя на мысли, что внимательно осматривает комнату одним глазом.

На самом деле, это был один из его основных проколов. Он никогда не умел прищуривать правый глаз и в результате всегда его лишался. Один и тот же прокол, если он повторялся дважды, отбрасывал его всегда в восьмой уровень, и ему вновь и вновь приходилось проходить все семь кругов ада заново.

– Из-за нее мы ходим по кругу, – донеслось до сознания вновь, – убей, убей, убей...

– Не понял? – на Штирлица внимательно и как-то через-чур подозрительно смотрела Пугачева.

– А она че здесь делает? Я вроде как уже у себя? Неужели догнали? – молнией пронеслось в голове. Но тут включилось правое полушарие.

– Фу, ты черт! Опять жена, уходя на работу, не выключила телевизор.

Пугачева досадно махнула рукой, презрительно фыркнула, незаметно выбросила из левой руки заколку для волос и, больше не обращая внимания на Штирлица, увлеклась игрой с ВИА–ГРУшниками.

– А причем здесь они? – ударило по мозгам. – А-а-а, клип.

– Проклятый звук, – подумал Штирлиц, – сам себя регулирует. То молчит, как рыба, а то орет, как сбоку раненый.

Вставать не хотелось. Внутренний Голос, сказав напоследок: – Лучше бы ты ее все же трахнул, а иначе она тебя все равно урлет, – пошел спать.

САМ, ничего не говоря, продолжал доставать звоном в правом ухе.

– А, таки, чуть не догнали, – сообщил ВГ, засыпая. – Еще бы пять сек и Алка тебя опять глаза лишила, а это твоя последняя попытка, или ты не Воин. Так всегда из жизни в жизнь и будешь прыгать одноглазым Кутузовым.

– От судьбы не уйдешь, паря, – добавил ВГ, нарочно сильнее обычного картавя.

– Зато можно убежать, – зло ответил Штирлиц, отбрасы-

вая одеяло, и тем самым давая понять, что он уже окончательно проснулся.

– И не убежишь, но если очень постараться, то можешь догнать, – зевнул САМ.

– Не забывай, у тебя последняя попытка, – мягким баритоном в левом ухе растекся он.

– Ну, все, все! Уже не сплю, – сказал вслух Штирлиц, для пущей убедительности дернув себя за ухо, пытаюсь глазами найти пульт телевизора.

Но странное дело, сон улетучился, а САМ и ВГ, которые постоянно наведывались к нему последние две недели во снах, никуда не собирались исчезать и как ни в чем не бывало оставались на месте.

– Не понял? – опять вслух сказал Штирлиц и, найдя, наконец, пульт, выключил телевизор.

– Это у тебя от избытка рекламы такая реакция. Ты еще морду сделай, как тот придурок из ролика, и будешь один в один, – опять зевнул САМ. ВГ, похоже, тоже оставался на месте, мирно похрапывая, и никуда не исчезал.

– Не п-о-о-н-я-я-л, – Штирлиц хохотнул от изумления. – Это что же у меня раздвоение личности теперь будет? Я и ты?

– Не раздвоение, а растроение, – ответил САМ. – Он (он кивнул на ВГ) поспит пару часиков по вашему, по земному и тоже вернется к тебе. Так что мы теперь всегда будем вторым, пока ты снова не съедешь в свой восьмой уровень. Но

в этот раз уж точно без нас. Хватит, мы свое отмучились. А тебе, похоже, это нравится. Похоже, ты по жизни альтруист. Или мазохист? Что, впрочем, одно и то же. Тащишься от страданий.

– Пожалуй и я часок посплю, утомил ты нас сегодня, однако. А ты можешь пока мячиком поиграть, тебе понравится.

– Пожует – увидим, как сказал лев, заглывая голову дрессировщика, – протянул задумчиво Штирлиц, внимательно прислушиваясь к звукам внутри себя и трогая голову правой рукой. На всякий случай даже постукал по ней. Голоса исчезли.

– Похоже, отдохнуть надо сегодня пол денька, – решил он, направляясь в ванную комнату.

Глава 10

Александр Гиров уволился из рядов Вооруженных Сил в апреле 2001 года по состоянию здоровья, в звании – полковник. Условия увольнения его были крайне загадочны даже для его супруги и друзей, не говоря уже о соратниках по профессии, и этому были свои причины.

Во-первых, контора, в которой проходил службу Гиров, на закате второго тысячелетия от рождества Христова была, наверное, самой таинственной и могущественной шпионской структурой на всем земном шаре.

Во-вторых, некоторые биографические данные Гирова заставляли людей, знающих его с детства и участвующих в

его привлечении к разведывательной деятельности, серьёзно задумываться над всеми событиями, происходящими с ним и вокруг него.

Но всё по порядку. И так, во-первых. Главное Разведывательное Управление Генерального Штаба Вооружённых Сил многострадальной матушки России (сокращенно ГРУ или, как его меж своих называли, – «Стекло», где проходил службу Гиров) являлось единственной на всем постсоветском пространстве структурой, которой удалось, несмотря на крах СССР, сохранить себя, практически, без потерь, и даже укрепить свое положение среди аналогичных мировых ведомств.

Это было последнее пристанище, где еще оставались люди, сознание которых, в силу их профессиональной подготовки и национальной принадлежности, указывающей на нестигаемую силу духа (где тысячелетиями жили Воины, пропитавшие саму Землю своим желанием победить в бою и остаться живыми) мог посетить Космический Разум. Ибо этот Разум, как указал в этом же тысячелетии великий индийский философ – Шри Ауро Биндо, руководствуясь принципом – «Не навреди», мог посетить сейчас уже только молчаливое сознание.

Он уже давно предпочитал ютиться в сознании собак, этих молчаливых и верных друзей человека, опасаясь, что вскоре, при таком развитии событий на Земле, ему придётся зарываться еще глубже, чтобы сохранить себя и тем самым

всё больше и больше отдаляться от человека. А это неминуемо привело бы к тому, что Энергетический столб, окружающий планету, распался бы и связь её с лучистой энергией прервалась. Последнее могло вновь отбросить Землю в Зону полного Хаоса и Тьмы.

Сильные мира сего – шпионы всех мастей, времён и народов, на которых на Земле была возложена особая миссия, не могли допустить этого. Никто из них не сомневался в том, что Россия выполнила возложенную на нее миссию сполна и должна уйти в тень, разлететься на бесконечное количество лоскутков, как старое бабушкино одеяло, спасшее зимой всех от холода и тем самым сделавшее сполна свое доброе дело.

Никто, кроме ГРУшников. Аппарат ГРУ, как ни в чем не бывало, продолжал работать, выигрывая сражение за сражением в этой не равной битве «Разумов», как бы говоря всему миру: – Рёбе, да у вас просто не хватает информации, посему и двигаете вы этот шарик не в ту сторону...

– Внешне все выглядит вполне пристойно и логично, – говорили лучшие аналитические умы планеты. – Россия выполнила свою миссию, может отдохнуть и подумать уже о своем народе, пора немножко на благо мира поработать и другим. При слове – "другим", как правило, делалась многозначительная пауза, и всем, вроде бы, было понятно: чья сейчас очередь гибнуть на полях сражений и за что.

Всем, но не ГРУшам. Эти почему-то на всех этажах сво-

его Аквариума вывесили один и тот же плакат со словами: «Внешность бывает обманчива, как сказал ёжик, слезая с половой щетки», и с упорством достойным только загадочной русской души продолжали делать свое дело.

Их даже не смутил неожиданный и стремительный, как удар кинжала, наезд Путина, который весной 2003 года со словами: "Замаскированный командный пункт – взят", – лично посетил с толпой корреспондентов «Стекло» и, пожимая руку Корабельникову, как всегда хитровато улыбаясь, сказал: – Предлагаю слово "ёжик" писать с большой буквы!

Один плакат (с этажа, где находился кабинет Начальника ГРУ) мгновенно исчез. В течение всей следующей недели в воздухе висела какая-то напряженность и недосказанность. Почему-то опять в разговорах, то тут, то там, начали вспоминать тот нелепейший случай 90-х годов, когда в одном из парков Москвы на гранате Ф-1 подорвался полковник ГРУ. В официальной версии тогда значилось: – Нашел гранату, положил её за пазуху и решил отнести в отделение милиции, сдать.

В Москве недоумевали: – Как же это? Полковник и так неаккуратно с гранатой, не повезло, наверное, старая оказалась граната или служил в пожарных частях, проспал всё на свете. О принадлежности полковника к ГРУ не знали даже шпионы других Институций, а уж тем более простые смертные.

В «Стекле» же в те годы, даже в курилках, говорить об

этом, было строго настрого запрещено. Табу. Лишь только один раз старый седой капраз, увидев немой вопрос в умоляющем взгляде желторотого лейтенанта, бросил как бы в сторону: – Один ноль. Пока, сынок, к сожалению, не в нашу пользу, – при этом он почему-то посмотрел на ботинки лейтенанта.

Стажёр, опустив взгляд, заметил, что шнурок левого ботинка у него развязан.

– Что это было? Ответ на мой молчаливый вопрос или подсказка со шнурком? – начал размышлять летёха, поправляя туалет. И, вдруг, он ощутил внутренний толчок, почувствовав, как какая-то неведомая сила помогает ему обрести спокойствие и уверенность.

– Теперь, во-вторых, ... хотя, вам рано еще об этом! Да и Штирлиц (а так окрестили Гирова сразу же, как только он, уволившись с военной службы, пришёл на свою новую, сугубо гражданскую работу) не любил, когда уже в самом начале разговора вопрос касался его биографии.

Глава 11

– Че за хрень? – подумал Штирлиц, глядя на воду.

– Точка-точка-точка, тире-тире-тире, точка-точка-точка (sos), – выплескивалось из крана.

– Кому уже надо оказывать помощь? Причем здесь точка-тире, точка-тире? Когда уже эти шпионские глюки прекратятся?

Быстро закончив умывание и плотнее закрыв кран с холодной водой (ноги сами понесли его к телевизору), Гиров перебрался в гостиную. Мобильник один раз хрюкнул.

– Надо сказать сыну, пусть сигнал поменяет, уже достали эти свинячьи звуки, – доставая телефон, подумал Штирлиц.

Прочитал SMS–ку: САТ 186: – как ноги?

– Какие ноги, – не понял Штирлиц и почему-то сразу включил шестую кнопку (спортивный канал), что раньше никогда за собой не замечал. Первое, что он увидел, была белая повязка на ноге чуть выше колена.

– Блин Клинтон – дежавю, – пронеслось в голове. – Точно, ночью эту повязку во сне уже видел. Еще думал чьи это ножки такие шикарные!

На корте Дементьева, проиграв первый сет со счетом 6:3, яростно сражалась с Энен-Арденн, уступая походу ей и во втором. Штирлиц очень любил теннис и сам, когда выдавалось свободное время, с удовольствием поигрывал, забывая во время игры обо всем на свете.

Все мысли сразу покинули утреннюю дурную голову, и он полностью предался любимому зрелищу.

Датчанка была настроена самым решительным образом.

– Похоже, сольет и во втором, – мелькнуло у Штирлица в голове, – уж очень Жюстин хороша сегодня. Матч показывают в прямом эфире, – отметил он про себя и, вдруг, не столько услышал, сколько почувствовал слабый щелчок, не то в голове, не то в телевизоре.

– Поиграй мячиком, поиграй мячиком, – вихрем пронеслось в мозгах.

– Вроде, где-то уже слышал это, – попытался отогнать навойливую мысль Штирлиц.

– Поиграй мячиком, поиграй мячиком, – звенело в ушах.

– Попала, попала, попала, – стал нашептывать Штирлиц, как только Дементьева размахивалась для удара.

– Не попала, не попала, не попала, – шептали губы, отхлебывая чай, когда Энен пыталась ударить по мячу.

Настроение заметно скакнуло, потому что у россиянки дела пошли в гору. Накал борьбы усилился.

– Хороший был бы финал – две наших, – мечтательно подумал Штирлиц и, вдруг, отчетливо услышал сердитый голос: – У тебя что – мячик женского рода?

Чашка упала на пол, но к счастью не разбилась. Голова сама, как учили, крутанулась сначала на сто восемьдесят градусов в одну, а затем в другую сторону, будто ей хотели поссать в рот.

– Никого, – мелькнула мысль и не успела она предательскилизнуть, как ее придавил утренний, уже полностью забывшийся сон, вдруг, снова раскрывшийся в полном объеме.

– Во, блин, чуть не проспали, – сказал испуганно Внутренний Голос, а ты говорил – он созрел, он созрел.

– Да-а-а уж, – протянул САМ, – кто ж знал-то. Ну что ж, жаль парня. Теперь у него крышу точно сорвет. В луч-

шем случае – постоянный клиент Кащенко. А долго держался. Где теперь другого искать?

– Нам сейчас главное – девок по местам расставить и можно курить бамбук все оставшиеся жизни. Бабы всегда у наших ног будут лежать, – захрипел в экстазе ВГ, глядя голодными глазами на носящихся по корту Дементьеву и Энен.

– Все, приступаем, – обрезал его САМ.

Штирлиц почувствовал, как его тело, как вода в стеклянном сосуде, состоящем из двух половинок, начало медленно перетекать из большой емкости в меньшую, становясь при этом темно-бурого цвета, причем голова почему-то оказалась на месте задницы, а задница расположилась на мизинце левой руки. Место головы оставалось пока свободным.

ВГ и САМ, потешаясь над всем миром, раскачивались в качалке, а напротив них двое маленьких гномиков пытались катить вверх по наклонной плоскости огромный шар, то и дело зло глядя на экраны телевизоров, которых в комнате стало уже три.

Из первого телевизора на Штирлица с угрозой смотрели глаза Энен. Из второго – с мольбой глаза мамы Елены Дементьевой. В третьем же картинка постоянно менялась. С невероятной скоростью летели года, проносились эпохи, но все увиденное почему-то оставалось в памяти.

– Сколько же это информации запомнилось, – мелькнула мысль, – прямо как Йоган Вайс.

– Да, лох, а ты че не понял еще этого? – опять закартавил

ВГ. – Не помнишь что ли про Отца, Сына и Святого духа? Атеист что ли?

– Нет, не атеист, просто неверующий, – ответил тихо голос Штирлица откуда-то из угла.

– О, баран! Какая разница?

– Атеисты говорят – бога нет, а я не говорю. Может есть, а может и нет. Я не знаю, но Космический Разум точно есть. Можно и его богом назвать.

– Ну-у-у! – Удовлетворенно крякнул ВГ. – Немножко, значит, все-таки въезжаешь.

– Короче, про Отца, Сына и Святого духа – это тоже для простоты и понятия дела, – напыжился ВГ.

– На самом деле Дух – это часть Космического Разума, или он, – ВГ сделал незаметное движение указательным пальцем в сторону САМа.

– Отец – это твоя Душа, стало быть, сейчас Я, – ВГ игриво подмигнул Жюстин, которая в этот момент, раскрыв рот, смотрела на него, забыв про теннис. – А Сын – это ты, твоя плоть, твои мозги, сознание твое и еще как его ... этот мотор в тебе основной? Сердце! Нахрена его так сложно назвали, я никак, бля, не въеду.

– А че ты все матом гнешь? – спросила голова Штирлица, наконец, придя в себя и тоже перебравшись в кресло.

– Так я ж тебе тупарю сказал. Я – Душа, твой отец. Отца что ль забыл уже?

– Нет, помню, – загрузил голос.

– Вот. А помнишь, как ты его домой не пускал? Он как собака у тебя на крыльце спал? Помнишь, сука?

– Так он же пьяный был?! Мать бил!

– Пьяный? Что отцу уже и выпить в день рождения немножко нельзя? А насчет бил... ну да, бил! Но у русских бьет – значит любит.

– Хорошо немножко, я ж видел, как вы четыре бутылки на троих без закуси дернули за сараем!

– Не спорь с отцом! Кстати, это моя норма, что б ты знал. Ванька норму знает!

– Откуда знает, как отца звали, – мелькнула мысль в голове, которая хоть и расположилась очень даже удобно в кресле, но соображала еще туго.

– Все работаем, – резко обрубил ВГ САМ.

– Два дежавю отметить, – сказал ВГ, обращаясь к Штирлицу, – если Кащенко тебя отмоеет, в следующей жизни пригодятся.

Первое дежавю отметить удалось легко: Николай Озеров очень грустный, дважды появился на экране и дважды сказал, с грустью подмигнув при этом: – Нам такой хоккей не нужен.

– Откуда эта фраза? – загудела голова. – Я точно это уже слышала.

– Показалось, – поставил ее на место САМ.

Второе дежавю не появлялось очень долго. А в это вре-

мя на корте творилось что-то неопишное. Мячик, который пытались заставить на себя работать две противоборствующие стороны, как реактивный метался по всему корту. Он то шел кроссом по диагонали под самую линию, то подрезанным опускался у самой сетки, то, вдруг, свечкой взмывал ввысь...

Но, увы, силы были слишком не равны, и САМ и ВГ, потешаясь над всем миром, наслаждались своей безграничной властью.

Дважды мяч садился на сетку верхом и, выждав паузу, когда уже казалось, что он неминуемо должен упасть на сторону Дементьевой, он, как бы нехотя, переваливался к Энен. Датчанка метала в стекло телевизора тройные молнии. Но экран для нее был не пробиваем.

– А вот Алка бы сегодня проткнула, – вставил ВГ, подмигивая Жюстин, – а тебе, Дания, еще долго придется тренироваться для этого.

Дементьевой же наоборот, несмотря на напряженный матч, вдруг, стало весело. Она подмигивала всем через экран и даже, галантно улыбаясь, попросила извинения у датчанки за столь казусные мячи: – Мол, извиняйте, люди, случайно-с получилось.

И тут, вдруг, из третьего многоликого мира-телевизора в броске (прямо на пол) вывалился Яшин, и со словами: – Ну, вы блин, мужики, даете?! – выхватил у гномов шар, который оказался футбольным мячом и был таков.

Гномы тут же исчезли. Вместе с ними исчез и один из телевизоров. САМ досадливо крякнул. Но самое удивительное случилось дальше. Голова, вдруг, раздулась и, трижды хрюкнув, начала громко скандировать: – Я шина! Я шина! Я шина!

– Не ты шина, а он шин, – жестко оборвал ее САМ, – опять роды путаешь, дура. А парня-то придется отпускать, – просопел он.

– Да ты что, САМ, – запротестовал ВГ, – он наш первый ход срисовал, да и Дементий уже сет с нашей помощью взял. Мы на коне.

– Сет не игра, – ответил САМ, – пусть дальше по-честному играют, а мы с тобой уходим.

– Так у нас Россия всегда в заднице сидеть будет, – засопел ВГ. – А далеко откатываемся?

– Год так, похоже, в семьдесят пятый, плюс-минус пару лет, – быстро просканировав всю имеющуюся информацию, прохрипел САМ, у которого процесс телепортации в прошлое уже начал срабатывать.

– От рождества Христова!?! – задрожал всем телом ВГ, представив то, во что этот откат опять их мог превратить.

– Тысяча девятьсот семьдесят пятый, придурок.

– А как же с ним? – с облегчением выдохнул ВГ. – Ведь он понял, что информация в молчаливое Сознание может передаваться через этот ящик? Он же разнесет?

– Не бойсь, все подумают, что он долдонит про 25-й кадр,

а если он лишнее брякнет – ему же хуже, за дурика сыграет, дуриком и умрет. Все тип-топ, уходим.

– А как же я? – просипело возвращающееся сознание Ги-рова.

– Пошел вон, не до тебя сейчас, – простонал САМ, ныряя в один из телевизоров. – Сам выкарабкивайся.

Глава 12

– Только тогда начнется поступательное движение Земли и ее астрального двойника в сторону Света (Добра и Порядка), когда последняя былинка на ней и вокруг нее достигнет просветления. Наше место, место Земли в Макрокосме очень близко к Хаосу (полной Тьме, Абсолютному Злу). Название этому месту – Зона Организованного Хаоса или сокращенно – Зона О-Ха. Исходя из этого, все высказывания о существовании Рая и Ада, возможности цепи перерождений не только в человеческое тело, но и в тела животных и растений, существование Сатаны, перемещение в пространстве и времени имеют место быть.

– Будда, достигнув состояния нирваны и полного просветления, отказался покинуть Землю из-за того, что увидел, сколько людей, не достигших просветления, стоит за ним у ворот Рая. Сие повествование древних говорит о колоссальной ответственности Посвященных в целом за планету и всех проживающих на ней.

– В индуизме под Нирваной понимается вызволение из цепи перерождений, освобождение от страданий и достижение высшей формы сознания, когда Душа обретает единство с Духом и телом. У нас же в буддизме Нирвана рассматривается как совершенное слияние воли и знания, сопряженное с преодолением любых личных переживаний.

– Все существующие религии и религиозные учения сходятся в одном – Добро должно победить Зло. В противном случае, нас ожидает сползание в Хаос, а движение к Свету будет происходить с большими трудностями, потерей части лучистой энергии, формированием нового космического тела (планеты), нового космического разума. В этом случае, какая-то часть вынуждена будет пробиваться к Свету по более длинному пути, какая-то вынуждена будет вернуться на старые координаты Вселенной.

– Ко всему необходимо добавить, что Земля и все, что находится на ней в условиях Макрокосма, существует как единое целое, единая космическая Душа. А, следовательно, все мы, живущие на ней – единый организм, разделенный на миллиарды маленьких человеческих душ для того, чтобы уже, наконец, отделить Добро от Зла.

– Великое счастье каждого живущего на Земле – помочь

как можно большему количеству людей достичь просветления и по потоку лучистой энергии подняться к Свету.

– Лишь так разойдутся идущие всегда вместе Добро и Зло. Иначе разделение невозможно, а, значит, невозможно и движение к Свету. В противном случае, мы обречены на постоянное движение по кругу, вечную сансару.

– Сансара – это центральное состояние индуизма и буддизма, означающее «круговое течение», цикл повторяющихся рождений и смертей, порождаемый кармой. В индуизме душа постоянно возрождается в различном облике. В зависимости от совершенных в прошлой жизни деяний до тех пор, пока не обретет полное освобождение. Круг сансары у буддистов включает в себя самые разные формы жизни. Мы верим в пять областей перерождений: область богов, людей, животных, духов и демонов.

– В буддизме, поскольку все существующее подвластно сансаре, все с уважением относятся к любым формам жизни. Освободиться от сансары способны только преодолевшие вожделение, гнев и неведение.

– Для того чтобы это произошло, и мы вышли из замкнутого круга, наконец, определившись в направлении своего движения и увидев, что наш путь имеет таки начало и конец, великие Посвященные, такие как: Авраам, Будда, Лао-

Цзы, Конфуций, Махавира, Рамакришна, Заратустра, Иисус, Муххамед, Моисей, Дионисий, Сократ, Пифагор, Ари и многие другие, в том числе и современные, не покинули Землю, и не ушли в одиночку в сторону Света, а продолжили свою борьбу за планету и за каждую отдельно взятую душу, неся каждое тысячелетие потери и теряя из своих рядов лучших.

– В настоящее время все они собрались на территории России. Место России, ее миссия видна была всегда, а сейчас, на стыке тысячелетий, особенно. Она, являясь родоначальницей Организованного хаоса и пуповиной Земли, наглядно показывала Посвященным картину нашего расположения в Макрокосме, изнутри и в миниатюре.

– Присущий России бардак и хаос, они находили как само собой разумеющееся дело, дающее время для подтягивания к единому знаменателю все другие народы и планету в целом.

– Движение в сторону сбалансированности всей жизни на Земле начнется только тогда, считают Посвященные, когда Россия окрепнет как государство, сольется с Китаем и, возможно, Индией, объединив тем самым три важнейших потенциальных энергетических стержня планеты. После этого начнется поступательное движение Земли и ее астрального двойника в сторону Света с одновременно более быстрым достижением просветления всеми людьми и выходом из те-

ни доселе неизвестных форм существования. В противном случае ...

Тут, вдруг, экран неожиданно погас, в зале наступила крошечная темнота, в воздухе повисла угрожающая тишина, так что у присутствующих забегали по телу мурашки. Затем в динамике что-то задрезало, захрипело и, наконец, после паузы прокуренный женский голос зло объявил:

– Все, приехали твою мать. Всем от винта. Кина не будет, кинщик спился и Чубайс электричество отключил. Закончим в следующую субботу, места занимать согласно купленным билетам.

– Ох-ха-ха, – вслух с мАсковским прононсом издала вздох облегчения Клавдия Ивановна. – Уж больно у них это все как-то мудрено с этой Зоной О-ха, и обозвали-то подишь ты как скверно – Зона.

– Тьфу ты, свяжешься тут с ними... того и гляди сама на эту зону загремишь, – испуганно подумала она, одновременно с интересом рассматривая лысоватого мужчину в огромных роговых очках, мирно посапывающего прямо под носом у "преподавателя", и пытаясь вспомнить где же это она его видела. – Точно, видела, но где?

И тут, Клавдия Ивановна вспомнила, что опять из-за

этого семинара буддистов–адвентистов, под броским названием: «Только мы приведем Вас к состоянию полного блаженства и пара нирваны уже в этой жизни», забыла навещать своего любимого племянника, который после недельного пребывания в Склифа, в связи с явным улучшением деятельности всех жизненно важных органов (кроме головы), был переведен в не менее известную психиатрическую лечебницу им. П.П. Кащенко.

– Ну вот, всегда так, – протянула она, – ох-ха-ха-ха.

Глава 13

Очнулся Гиров от того, что в правом ухе у него сильно щекотало. Открыв, как всегда, один правый глаз, он увидел, как какой-то человек, стоя над ним, пытался как можно глубже вставить ему в ухо проводок, при этом громко нашептывая:

– Центральный, Центральный, я – «Первый». Мы находимся здесь. Примите наши координаты. Центральный, «Второй» награжден мною медалью за «БЗ». Как понял, Центральный?

Второй проводок торчал у него в ухе.

– На связи, – догадался Штирлиц. – А «Второй» – это, наверное, я. Хорошо, еще одна медалька. А когда же уже орден? – успел подумать Штирлиц и опять потерял сознание.

Долговязый с несколько вытянутым, расширенным в ноздрях носом и реденькой козлиной бородкой паренек, хмуро посмотрев на Штирлица и нервно вращая головой на все триста шестьдесят градусов, резко выдернул из его уха провод.

Врачи психиатрической больницы № 9, в простонародье называемой «Черной дырой», так и не успели запеленговать этот короткий по времени, но очень важный сеанс односторонней связи.

Глава 14

– Грека, выбившись из сил, воду в решете носил... целый день туда-сюда, ни труда и ни пруда, – вот уже, наверное, битых пять минут повторял Штирлиц одну и ту же фразу после того, как сознание вернулось к нему, а он никак не мог взять в толк, где же это он.

Все вокруг него было ему абсолютно незнакомо... И, вдруг, как вспышка перед ним открылась настоящая бездна, и он с криком начал куда-то быстро падать...

– Who are you? – донеслось до него.

– Who are you? – угрожающе повторился вопрос.

– Не понимай, – почему-то с акцентом ответил Штирлиц, продолжая падать все быстрее и быстрее...

– Schprechen Sie deutsch?

– No, No,– теперь по-английски, глупо улыбаясь, сделал он вопросительные глаза.

– Who are you? – вновь угрожающе спросил Голос, сдавливая ему горло и давая понять, что это не шутка и все может кончиться для него трагически.

– Но не вздумай врать, иначе тебе конец, – опять по-английски сказал Голос, и горло перехватило еще больше.

– По-венгерски разговариваю, – выкрутилось сознание, про себя отмечая, что вранья в этой фразе не было.

– У этого не соврешь, – мелькнуло в голове, – сразу придушит. Мысли что ли считает сука?

– Вот, уже лучше, – переходя на венгерский, сказал Голос и разнесся по всей необъятной пустоте своим грохочущим звоном.

– И то, что понял сам, что врать не надо – это тоже очень хорошо. Значит сообразительный мальчик. А теперь поговорим. Так, значит, ты венгр?

– Ага! – пронеслась радостная мысль в голове, – получается, ты не все читаешь, а только какими-то кусками. Тогда тебе надо просто легенды рассказывать.

– Igen (да), – мотнул головой Штирлиц (и в этом была доля правды, потому как по отработанным легендам у него на работе, практически, всех, владеющих венгерским языком,

называли «венграми»).

– Jol, Maga honnan tud magyarul? (хорошо, откуда знаешь венгерский?) – горлышко опять сильно стянулось.

– Попрошу обращаться ко мне на Вы и Штандартенфюрер, – судорожно прохрипел Штирлиц, сам не понимая, с какого это перепугу он, вдруг, приклеил сюда этого штандарта.

Дышать стало сразу легче, страх улетучился, хотя полет по-прежнему продолжался, однако скорость уже была явно не та.

– Фу, слава тебе яйца, – раздалось звоном в ушах, – действительно венгр и, похоже, знатных кровей.

– Кто ты, детка? – уже ласково спросил Голос.

– Мюллеры мы, – почему-то брякнул Штирлиц, и сразу до его сознания донеслись раскаты грома. Он внутренне съехался. Но оказалось, что невидимый монстр так смеялся.

– Люблю юмористых, – масляно промурлыкал монстр.

– Юмористов, или умористых, – поправил его Штирлиц по-венгерски, ибо весь диалог сейчас у них шел на венгерском языке.

– Ладно, давай на русском общаться, – сказал голос. – Не хватало мне свою память еще вашим венгерским засирать.

– Ловит меня, – догадался Штирлиц, – хочет понять, знаю я русский или нет.

– По-русски не шпрехаю, – опять на венгерском сказал Гиров, – хотя предки и с Урала.

– Как с Урала? – и горло сразу перехватило до такой степени, что в глазах поплыли круги.

– Проговорился, падла! Обмануть меня хотел?

– Все венгры с Урала, – последнее, что успел прошептать Штирлиц, и сознание полностью покинуло его. Далее все происходило с ним на автопилоте.

– Ты задумал себе эту легенду?

– Я не задумал, а придумал.

– Хорошо, спросим по-другому, ты задумываешь, меня передумать?

– Я ничего не задумываю, я просто пытаюсь думы думать.

– Что значит «думы думать»?

– Мозгами шевелить.

– А-а-а, ну вот это понятно, – удовлетворенно протянул голос и его железная хватка ослабла.

Глава 15

– Хорошо, что венгр, а не русский, – про себя подумала Крошка Кэт. – Вот с тем бы горя хлебнула. Никакого накопительного устройства не хватило бы на таком расстоянии запомнить все прибамбасы русского языка, да еще с этим

приложением под названием «Русская феня или матерный разговорный», которое в пять раз больше этого самого языка. Или все-таки русский? – мелькнула у нее мысль, но она тут же прогнала ее.

– Ну, что ж, этого-то Фому я и сама возьму, – подумала Кэт, промотав всю поступившую к ней информацию и больше беспокоясь о другом «клиенте», сведений по которому было крайне мало и они оказались закрыты и обрывочны: учился, сидел, опять учился, опять сидел. Ничего не было понятно из этих обрывков. А главное не понятно было – где он.

– Россия большая страна, – подумала Крошка. – И почему это венгра занесло сюда? Хотя, в этом бардаке все возможно.

– Ну, ничего, я через этого венгрюка о втором все узнаю. Этот от меня уже никуда не уйдет. Простак тупой. Он мне весь клубочек и разматает.

Теперь ей стало понятно, почему она зацепила этого «венгра» – родственные оказались души, одним Камнем связаны.

– Чем хуже, тем лучше, – мелькнуло в сознании Кэт и она тот-час же подключилась к галактическому информационному каналу, чтобы прослушать последние новости этого региона, перед тем как возвращать Навигатора назад для пол-

ной перезагрузки.

Глава 16

– А сейчас передаем вечернюю сказку для наших гостей из далекой Зоны Хаотической чехарды или сокращенно – ХАЧЕков, – на родном языке Кэт пропела ноосфера планеты Земля, отчего у Крошки моментально нижняя часть пространства метнулась в левый верхний угол.

Ноосфера продолжила: – Мы поздравляем Вас. Вы успешно взяли наш пенальти и допущены к прослушиванию сказки!

– Здравствуй, маленький друг! В Абсолюте ты не можешь быть идеальной, но это нас не пугает. Нас пугает то, что это явно не наши координаты. Ты над нами, ты гораздо выше нас. Может быть на несколько уровней, а может быть вообще вне зоны досягаемости. Потешаясь над нами, и создавая нам все новые и новые трудности, ты с улыбкой наблюдаешь, как мы, с трудом преодолевая эти спичечные коробки, пытаемся найти правильный путь.

Хаотично двигаясь, ведя постоянную борьбу за первенство, стремясь вырваться вперед, зачастую не зная: а не в обратном ли направлении мы движемся? Но эта твоя игра не бессмысленна и не зла. Ты готовишь свой Легион. Увидеть, достичь твоего уровня, познать тебя – нам не дано. Но

в какой-то момент почувствовать тебя разумом, достигнув определенного уровня (уровень определяется Тобой) – мы можем.

Это происходит по-разному. У кого это случается, оно, как правило, проявляется в виде игры Разума. Личные ощущения не поддаются описанию. Довольно опасная игра. Такое ощущение, что все это бесконечно – проверка по полной программе. Никто не должен никому ничего говорить. Все переживания, все мысли только в себе. Разговор с тобой начинается, когда кажется, что уже срезает крышу, но, несмотря на эти кажущиеся ощущения, движение продолжается, хотя это движение может быть даже не в ту сторону.

И вот где-то на этом уровне начинается Игра, смыслом которой является: помочь нам выбраться из лабиринтов своих ошибок, заставить правильно идти по жизни, мужественно преодолевая все трудности. И главное: перед началом Игры обязательно наступает момент истины – Прозрение, а может быть даже Просветление.

Ответ должен прийти к каждому индивидуально и не обязательно в этой жизни. Но чем позже это произойдет, тем тернистее будет путь. Однако, это твой путь. И ты должен сам для себя найти ответ на этот и другие подобные вопросы. Исходя из этих ответов, и будет тобой избрано направление движения.

Каждый делает свой выбор сам. Но вот вопрос: если Воин Света есть, и готовит свой Легион, и он не Абсолютная единица, то существует и Воин Тьмы? А значит, и он готовит свой Легион? И то, что Воин Света одержит победу и направит весь поток подхваченной лучистой энергии в сторону Света – не факт. Возможно, что какая-то часть энергии будет потеряна. Но эта потеря произойдет в бескомпромиссной борьбе. В конечном итоге, потери будут незначительны, и они коснутся, по всей вероятности, только человеческих душ.

Человеческая душа является последним форпостом, где одновременно сосуществуют Добро и Зло, и где эта борьба не прекращается ни на секунду. Уничтожить Зло нельзя, ибо, убивая его, мы получаем тем самым еще большее Зло. Значит, оно будет вытеснено. Вопрос лишь в том, когда это произойдет. Возможно, к этому моменту от современных форм существования не останется и следа, но пройти через это горнило необходимо. По-другому разделение невозможно. Только после этого возможно общее движение планеты к Свету.

Таким образом, Просветления достигают только те, кто принимается в Легион Воина Света. И между ними продолжается постоянное соперничество, но уже на более высоком

уровне и в форме соревнования. Этот уровень позволяет двигаться уже не на ощупь, а осмысленно, выбирая путь и преодолевая Хаос души.

Воин Света выстраивает из своих легионеров подобие пирамиды, где каждый стремится достичь ее вершины, постоянно совершенствуясь, и обязательно достигает ее, заменяя других Воинов, шагнувших в более высокое измерение.

Лучистая энергия цепко держит Землю и ведет планету и всех живущих на ней по только ей одной известному пути к Свету. Но для того, чтобы вывести всех (а вывести должны всех, по-другому быть не может), и существуют два Воина: Воин Света и Воин Тьмы. В Легион Воина Света входят воины, обладающие Сердцем, Волей и Знанием. Путь к Свету их оптимален.

В Легионе Воина Тьмы находятся обретшие Волю и Знания, но с заземленным Сердцем. Долог и тернист их путь к Свету. Легион Воина Тьмы формируется по другому принципу: движение продолжается через зону Хаоса до тех пор, пока не включится Сердце.

Оба Воина – это две части единого целого, Безупречного Воина. Переход из Легиона Воина Тьмы к Свету, происходит только через Легион Воина Света. Все в одной цепи. Иг-

ра сознания позволяет предположить, что наше место, место Земли пограничное на выходе из Легиона Тьмы и переходе в Легион Света. До тех пор пока Земля твердо удерживается лучистой энергией, общее движение ее к свету бесспорно и проходит по оптимальному пути.

Лучистая энергия через систему Солнц цепко держит Землю и ведет ее строго определенным путем к Свету (Добру, Порядку).

Движение отдельного человека, отдельно взятой души зависит от наступления Просветления. Просветление зависит от развития трех составляющих: Воли, Сердца, Знания.

Не смотря на то, что все живущие на Земле идут к Свету вместе в одной цепи, у каждого свой путь. Кто-то достигает его в виде лучистой энергии, а кто-то в виде песчаного бархана или каменной глыбы ...

При словах о каменной глыбе Кэт, почему-то, увидела себя совсем маленьким облачком над каким-то горным хребтом, и голос ее бабушки ласково сказал: – Смотри, Катюша – это Уральские горы. Местные люди их Камнем кличут.

– Да-да, именно этот камень и символизирует у нас опускание до критической точки в то время, когда планета уже вышла на определенные рубежи и начинает выводить всех

оставшихся, последних из Могикан. Этот выход к Свету может называться выходом после полной очистки, преодолев семь кругов ада и полное очищение души.

Связь пропала так же внезапно, как и появилась.

– Кто-кого слушает? Я их или они меня? Или это всего лишь случайное совпадение эфира и моих мыслей? И что это за намеки на Безупречного Воина, состоящего из двух частей? Это что-то новое. Или Свет или Тьма, – подытожила Кэт, – середины у нас не бывает. Однако, какая-то тревога закралась к ней в душу.

– Чухня все, – подумала Кэт, направляясь к контрольной точке, откуда ей следовало выдергивать на себя Навигатора.

Глава 17

– Ну, еще парочку самоловок поставим и шабаш, – сказал дядя Толя, втыкая очередной кол в песчаное дно бухты «Серебряная».

Озеро затихало в ожидании приближающегося отдыха. Солнце уже скрылось за верхушками вековых сосен и елей, плотным частоколом обступивших водную гладь озера со всех сторон, будто говоря ему: – За нами как за каменной стеной.

Они стояли так близко от серебристой поверхности во-

ды, что порой их мохнатые лапы нежно касались теплой глади озера, спрятавшегося в далекой тайге на краю самой неведомой и загадочной страны планеты Земля со странным названием Россия, что в переводе с венгерского можно было вполне перевести как – привет, Плохиш.

«Мелкое» (именно так называлось это озеро) – даже в самую холодную летнюю погоду успевало прогреться до температуры воды сочинского побережья.

Саньку нравилось это озеро, хотя настоящие рыбаки, которые выходили из тайги, всегда неся с собой по двадцать-двадцать пять кило рыбы, считали его просто тратой времени и нервов.

Озеро было действительно мелким. Большая часть дна его была песчаной, что говорило об отсутствии там рыбного изобилия, так как кормиться рыбке, как известно, на песке особенно нечем. Немногие же глубокие места (или как их здесь называли – ямы) пугали даже старожил таежной рыбалки. Там могло случиться такое, что напрочь отбивало охоту у всех, даже один раз услышавших про это, не говоря уже о тех, кто самолично это видел.

В общем, озеро пользовалось еще той репутацией. Однако, дядя Толя (родной дядька Санька), несмотря на все это любил «Мелкое». И любил он его за его песчаное мелководье

и неопишущую красоту, которой было окружено это райское место.

Представьте себе только! Небольшая по таежным размерам водная гладь (в диаметре всего лишь метров восемьсот) была со всех сторон окружена могучими столетними таежными елями. Благодаря им, и еще совсем небольшим размерам озера, его поверхность, практически, всегда сохраняла спокойствие и как бы манила рыбака слиться с нею!

Огромные золотистого цвета кувшинки, которыми было усеяно все мелководье, заставляли неотрывно смотреть на себя, как бы гипнотизируя и приговаривая при этом: – А ведь ты можешь даже прикоснуться к нам, а не только смотреть издали со своего холма! Сядь же в лодку и плыви скорей сюда. Тебе будет хорошо с нами!

На поверхности озера всегда бурно протекала жизнь: шмели, оводы, слепни, мошка и комары, казалось, соревнуясь друг с другом, кто первый попадет в рот проворному окуньку, тучами носились над водной гладью. Из воды то и дело выпрыгивала рыбешка, ловя свою глупую пищу, или же сама спасаясь от прожорливых травяночек, которых на «Мелком» было такое количество, что они свободно попадались на удочку на хорошего жирного червя, если последнего тут же не заглатывал прожорливый окунь.

Безразмерными доходившими до самого берега круга-

ми означала себя крупная рыба, которая, кстати, не интересовала дядю Толю совсем, так как еще в свой первый приход на «Мелкое», послушав про это озеро рассказы, он дал себе слово – на ямах не рыбачить.

– В остальном, здесь беды ждать неоткуда, – говаривал дядька, – уж больно райское место.

Вот на этом самом райском месте, в вечерний час и заканчивался очередной рыбацкий день двух неугомонных рыбаков-энтузиастов, которые ради того, чтобы посмотреть на эту красоту, готовы были шагать пешком по тайге тридцать с лишним километров, не считая ста километровой поездки на маленьком таежном мотовозике по узкоколейной железной дороге. И того, от ближайшего рабочего поселка их отделяла сотня верст, а до районного центра, где была мало-мальски приличная больница от этого самого поселка было еще два раза по столько.

Но в сторону лирику, вернемся к нашим героям. Поставив последнюю самоловку, рыбаки отправились в избушку, готовить уху и отдыхать. Спать оставалось совсем немного, так как северные июньские ночи были названием риторическим. Солнце, не успев скрыться за верхушки столетних елей, тотчас же стремилось выскочить из-за них в том же самом месте, где закатилось.

Восход и закат отделяли считанные часы. А для настоящего рыболова, которыми дядя Толя и Санек себя, несомненно, считали, было делом чести – не пропустить вечернюю и утреннюю зорьки. Потом можно было хоть весь день спать или купаться на мелководье, но зорьки – это святое.

Однако, природа и биочасы делали свое дело, и спать всегда хотелось именно на зорьке. Особенно утренней. И особенно трудно вставал всегда дядя Толя, потому как имел привычку – хряпнуть вечером под ущицу русской водочки за три шестьдесят две (другие алкогольные напитки он не признавал).

В избушке пришлось делать «невынужденную паузу». Котелок, который был у них и чайником и кастрюлей для приготовления ухи, оказался занят. Пришедший на отдых в их логово Борода (так звали местного грибника и рыболова, промышлявшего на соседнем «Глубоком» озере) с удовольствием воспользовавшись их посудой, готовил из исключительно белых грибов суп.

– Ну, все приехали, теперь нежрамши придется спать ложиться, иначе точно на зарю промахнем, – вздохнул Санек, глядя на вкусно пахнувший супчик Бороды и зная, что последний ни за что не предложит вместе с ним отужинать. Уж очень прижимистый был этот Борода, татарин по националь-

ности, невесть как оказавшийся в этих местах. Поговаривали, будто он бежал сюда из острога, долгое время скрывался, а потом после очередной оттепели его и искать-то перестали. Сейчас он уже осмелел и мог позволить себе выходить на люди. Зла он ни на кого не держал и был очень спокойным мужичком.

– Че котел-то наш упер, – зло бросил парень, – голодными теперь, что ли, нам ложиться? Ведь не успеем после тебя, зорька уж скоро.

– Э, мальчик, однако, в будке таежников все общее, – протянул татарин, подмигивая дяде Толе.

– Сам ты мальчик, – опять зло бросил Саня, который смерть как не любил этого обращения, воспитывался с семи лет без отца и считал себя с седьмого класса уже состоявшимся мужиком по полной форме, что могла подтвердить учившаяся с ним вместе до шестого класса Люська – второгодница, которая на вопрос: – А трахалась ли ты с ...? Всегда, гордо подняв голову, честно заявляла: – Да, девочки, это мой очередной трофей. Теперь вы уже и пана атамана Грецьяна – Таврического можете считать мужчиной. Так Люська обзывала Санька, с момента первой с ним интимной встречи.

Он, кстати, уже в седьмом классе перегнал ее по учебе, так как Люська осталась в шестом на третий год и в очеред-

ной раз с упорством достойным африканского носорога заявила, что школу она все-равно ни за что не бросит, так как с первого класса испытывает величайшую тягу к знаниям. Шел ей в ту пору уже шестнадцатый год.

– Ага, – лукаво по-азиатски щурясь, ответил татарин, – я та, мальчик. И пусть тот, кто скажет, что я девочка, первым кинет в меня камень.

– Не кинет, а бросит, – буркнул уже не так зло Санек. – Хреново классику знаешь.

– Э-э-э, еще хорошо, что ва-а-а-бче знаю. Знаешь, когда последнюю книжку читал? Два год назад.

– Во-во, поэтому и чешешь постоянно по Бендеру, что читать тебе больше нечего, – хмыкнул дядя Толя.

– Э-э-э, – опять пропел Борода, – если такой умный, пачму свежий книжка не принес Бараде?

– А кто ж тебя знает, где ты есть? – удивился дядя Толя. – Я тебя уже сто лет не видел, хотя ты всегда в пяти километрах от меня, мог бы в любой день прийти сюда к нам. Ведь знаешь же когда мы здесь?

– Знаю, конечно, знаю! Даже знаю, дарагой, что у тебя сегодня день рождений, понимаешь!

– Во блин, точно, дядь Толь! – ухмыльнулся племяш. –

Забыли мы с тобой. День-то уже прошел, осталось двадцать минут, – сказал он, глянув на часы.

Дядя Толя почему-то недовольно крикнул, покосившись на Бороду и буркнул: – Зря ты, Толик (татарина оказалось тоже Анатолием звали) это... зря, говорю, вспомнил. И выпить нет. Что за день рождения без водки. Не осталось водки, понимаешь? – как-то странно в нос пробасил он последнее слово. – Да и не хотел я отмечать в этом году, поэтому и ушел на озеро... ну, в общем, давай потом... потом как-нибудь.

– Э, нет, не зря, – промычал татарин, начав ковыряться в своем безразмерном мешке. – Я может этого дня, тетка, ждал всю жизнь. А ты потом, потом...

– А вот и Джин, – и с этими словами он стал вытягивать что-то из своего мешка.

– Какой еще такой Джин, – насторожился дядя Толя.

Санек тоже почувствовал что-то не ладное, ибо родился под знаком Рыб и покровительством Нептуна, способствующего у тех, за кем он присматривал, развитию исключительной интуиции.

– Э-э-э, деревня, – татарин вытащил из мешка бутылку с прозрачной жидкостью. – Вот такой Джин.

– Что это? – подозрительно спросил дядя Толя.

– Вах, вах, вах, Анатолий, нельзя быть таким подозритель-

ным. Водка это, обычная водка, только американская.

– Откуда у тебя и здесь? – уже не выдержал Санек?

– Американцы вчера прилетали, – многозначительно, подняв палец вверх, сказал Борода. – Велели тебя с днем рождения поздравить и передать это, – ухмыльнулся он.

– Да ладно, дядь Толь, – понял все Санек. – Баба тут к нему одна ходит, я знаю. Вот, наверное, самогоночки ему и принесла. Бутылка-то заморская, а глянь какая пробка. Пробка была действительно из-под шампанского.

– Ай-я-яй, какой внимательный мальчик, – прищурился гость. – Все замечает, настоящий разведчик.

Внутри у Сани что-то тревожно екнуло, он понял, что приход татарина к ним совсем не случайность, а какая-то непредвиденная ни им, ни его дядей закономерность в этой цепи событий последних дней, над которой он так еще и не успел пока как следует подумать.

Дядя Толя одобрительно заулыбался: – Ну, разве по чуть-чуть.

«По чуть-чуть» продолжалось почти сутки до пятницы тринадцатого июня, потому как мешок у Бороды был действительно большой. А на озере за это время произошло такое, что научило Санька хранить обет молчания всю оставшуюся жизнь.

Глава 18

Черви, лениво собравшись клубочком, спали на солнце-пеке... спали, да не все. Два червяка (внешне ничем не отличавшиеся от остальных) тихонько отползли в сторону от клубка живых тел и, пристроившись у стенки жестяной баночки, тихо беседовали:

– Как-то надо уходить, – сказал первый, понимая, что без болевых ощущений от прокалывания крючком тут не обойдется.

– Ну, и напугал же ты меня этим семьдесят пятым годом. Я уж думал опять съезжаем в могильников, будь они трижды прокляты, – зло выругался второй червь. – А отсюда-то мы выскочим в раз! Самое простое – это через крючок, но уж очень ощущения не приятные, да и шкуру жалко, – глянул он на свой лоснящийся бок.

– Э, нет! Уйти, ребяташки, теперь уже мало, – вдруг, услышали они голос.

– Мама, – с облегчением выдохнули оба червя одновременно.

– Ну, пусть будет мама, – ласково сказал голос, – хотя я вас и предупреждала так меня на работе не называть. Слушай задачу: из банки уйти живыми, без порчи тела и не теряя сознание, а, значит, не на крючке! Это ясно?

– Так точно! – рывкнули червяки одновременно.

– Потом попасть к шустренькому окуньку на обед, но только к шустренькому и обязательно окуньку, а не к сорожке или, того хуже, карасю какому-нибудь долбанному. Понятно?

– Так точно! – опять хором гаркнули черви, вытянувшись как струнка.

– Вот, ну а дальше уже не ваше дело. Дальше я сделаю все сама.

САМ и ВГ переглянулись. Незнание ближайшей перспективы их несколько настораживало. Обычно они знали весь расклад до конца уровня. Остальные черви в банке ничего не понимая, не соображая и не слыша, свернувшись клубком, просто дремали в теплом навозе.

– Уйдем, как пить дать уйдем, – подмигнул САМ ВГ, одновременно пытаясь понять, почему же в этот раз Крошка Кэт не открыла им весь свой замысел.

Глава 19

– Вот принесла нелегкая, – прислушиваясь к пению на берегу, подумал пацан.

А с берега уже в который раз доносились звуки, пожалуй, самой любимой дядькиной песни.

– Враги сожгли родную хату, спалили всю его семью, куда теперь идти солдату? Куда нести печаль свою? – твердым и уверенным басом, несмотря на количество выпитого спиртного, пел Борода.

– Ты уж прости меня, Прасковья, что я пришел к тебе такой, хотел я выпить за здоровье, а должен пить за упокой, – доносился заплаканный голос дяди Толи. Уж очень он любил эту песню еще и потому, что мать его – бабушку Санька, тоже звали Прасковья.

Самому дяде Толе не пришлось повоевать с фрицами. Не хватило лет. Даже попартизанить не удалось, потому как отчаянные северяне не оставили немцам никакой возможности закрепиться на северных территориях, не отдав ни клочка своей суровой земли супостату. Благодаря их героизму северным морским путем в помощь яростно сражавшейся с врагом Красной Армии были отправлены семьдесят восемь конвоев с более чем пятью миллионами тонн различного рода грузов, включая танки и самолеты.

– Фашисты, – как рассказывал дядя Саша, старший брат дядьки Толи, служивший в морской пехоте, – бросали, к чертовой матери, все и драпали с любых, самых укрепленных позиций, как только видели несущихся на них в распахнутых черных бушлатах, одетых на один тельник (в сорокагра-

дусный мороз), и в бесках с закушенными ленточками морпехов.

Иногда, когда бой предстоял совсем не равный, морская пехота снимала и бушлаты и шла в атаку в одних тельниках, опять закусив ленточки, и опять не роняя ни слова. Это их молчание больше всего и пугало фрицев. Как рассказывали чудом уцелевшие немцы, попавшие непонятно каким образом в плен (пленных воины-морпехи не брали, так как знали – идет разборка не на живот), в этом их молчаливом беге чувствовалась какая-то неземная сила и уверенность, заставлявшая сворачиваться души даже самых выдавших виды солдат Третьего Рейха, недооценивать которых тоже нельзя было.

– Недаром же немец рискнул напасть на нас, – говорил дядя Саша. – Он знал, что ему обломится, если он нас не сделает в первом раунде (дядька в молодости занимался боксом и мог спокойно завалить одним ударом годовалого быка), но надеялся, что ему подфартит немножко! Но уж потом можно всю оставшуюся жизнь курить бамбук, не напрягаясь. Он знал, что мы это и есть для него последний Воин.

– А не тронь он нас, мы бы все-равно его достали. Так что расчет у немца был верен: сбить нас с ног первым ударом и потом уже в партере дожать.

С берега опять донеслись звуки песни: – Сидел солдат слеза катилась, слеза ла-ла –ла-ла надежд, а на груди его светила медаль за город Будапешт.

– Слабовато слова знает Борода, – про себя отметил Санек, открывая данную ему накануне татаринном книжку, так как клева до вечера все равно не предвиделось. – А дядька, наверное, уже в отрубе.

– Барада, барада, украшает мужика барада, – последнее, что он услышал с берега.

Глава 20

Солнце палило нещадно. Казалось, его полуденный зной заставил впасть в дрему всю окружающую природу. Даже стрекозы, сложив свои хрустальные крылышки и забыв про всякую осторожность, застыли в изнеможении у самой воды.

Клева не было и в помине. Саня снял майку, намочил ее уже совсем теплой, почти парной водой и обмотал вокруг головы. Затем достал из короба подаренную Бородой книгу и, открыв наугад первую попавшуюся страницу, прямо с середины листа попытался заставить себя читать: «В эзотерических источниках говорилось, что с древнейших времен на нашей планете существовал центр Высшего Разума.

В этом центре объединялись великие духовные учителя

человечества, подвижники духа, обладавшие тайнами материи и неведомыми людям силами природы. Они создавали свою обитель для того, чтобы успешнее бороться с силами Зла и помогать духовному развитию человечества.

В течение веков и тысячелетий посланники этой обители в качестве выдающихся духовных и общественных деятелей, основателей новых учений учили людей наукам, искусствам и ремеслам. Они выполняли свою просветительскую миссию, ничего не говоря непосвященным о существовании своего центра.

Передавая людям часть своих огромных знаний, учителя направляли их, прежде всего, на духовность и нравственность. Знание в руках безнравственных людей может быть смертельно опасным, и это было подтверждено историей земных цивилизаций не раз. Именно знание, лишённое духовно-нравственных основ, погубило некогда высокоразвитую в научно-техническом отношении цивилизацию Атлантиды.

подавляющее большинство людей нашей цивилизации не пожелало следовать духовно-нравственным принципам древних учений, но Ботхисаттвы не оставили попыток передачи духовных знаний той части человечества, которая способна их воспринимать.

В мире периодически появлялись посланники Высшего Разума. Целью их был отбор из лучшей части людей Избранных и постепенное приобщение их к законам иных планов бытия, тесно связанным с миром земной реальности.

Многие из них являлись наследниками Шамбалы. Они утверждали, что расширяя сознание, мы получим возможность знать ауры и лики перевоплощения. Покончив с миром полу материальным, мы перейдем к космическому ясновидению и яснослышанию. – Через расширение сознания и упражнение организма вам удастся понять великое значение психической энергии, – говорили они....»

В этот момент поплавок побежал в сторону и, два раза подпрыгнув, ушел глубоко под воду. Пацан от неожиданности резко, но с опозданием, дернул удилище на себя. В воздух взметнулся огромный лист кувшинки с полуметровым стеблем.

– Сложноватая книжонка, – подумал паренек, откладывая данную ему татаринном книгу в сторону и пытаясь освободить крючок от "улова". – Хотя, что-то в ней такое есть. Он сложил ладони козырьком и посмотрел на солнце в надежде увидеть хоть одно облачко. Глаза сразу заслезились, а в голове послышался тихий, но четкий голос: – Но па шарам,

они не пройдут!

– Перегреюсь так на солнцепеке, – подумал Санек, не обратив никакого внимания на голос.

Испытание жарой продолжалось.

– Прямо Сочи, – подумал парень, в очередной раз меняя червя. Из-за того, что вода на мелководье прогрелась очень сильно, трудяга червь был не в состоянии выполнять свою работу более получаса, засыпая прямо на крючке. Хотя червячки сегодня у Сани были первый класс. Он выкопал их с рассады Кастрата (так звали самого знатного в их поселке рыбака, дядьку Тимофея, за его писклявый голос).

Черви были не маленькие и не очень большие, ярко красные и очень спортивные. С большим трудом их удавалось насадить на крючок по всем правилам из-за того, что они вертелись в руках как первоклассный гимнаст на перекладине. Вот и сейчас один вырвался из его рук и полетел прямо в воду.

– Летчиками что ли в прошлой жизни были, – роняя еще одного червя, но совсем не переживая по этому поводу, весело подумал Саня. Чего-чего, а этого добра у него на сей раз было с избытком. Да и, походу, становилось ясно, что все три дня (на столько были взяты харчи) придется рыбачить одному.

Глава 21

– Вот, а теперь проверим всю диспозицию, – сказал САМ, поудобнее устраиваясь на стебле кувшинки, – к шустренькому окуньку мы всегда успеем попасть на обед, – добавил он.

ВГ, почесывая раздавленный хвост, тоже пытался устроиться рядом. Оба червя были безумно рады такому повороту событий. Они даже мечтать не могли о том, чтобы вот так, практически, одновременно и без потерь, им обоим удастся избежать крючка.

Последний замысел был прост: первый уходит, пока второй отвлекает, а затем уже он помогает оперативно сняться с крючка второму. По такой жаре время играло на их стороне. Но все закончилось для них просто класс. Крючка избежали оба, а это значит, что все пока идет по плану мамы.

– Но как же она нас вычислила, – крикнул ВГ, – ведь так залетели, можно сказать, по полной программе.

– Вот так и вычислила, – ответил САМ, – на то она и Крошка Кэт, а не какая–нибудь там Эпидерсия. Еще скажи спасибо, что на этом уровне остановились (про себя он быстро прикинул: где-то лет на двадцать пять – тридцать назад отбросило, судя по телу).

В теле дождевого червяка ему еще не приходилось быть, но вот в могильников они уже неоднократно залетали. Две тысячи лет прежний откатик был. Только Кэт одна из всех знакомых ему Черных дыр и могла тогда туда дотянуться, чтобы вернуть их, вспомнил он прежний поход.

– А здесь, вишь, как легко все придумала, – сладко зевнув, с любовью подумал он о маме. – Наверняка, этот Штирлиц сейчас здесь же на озере, только ему еще где-то лет тринадцать, и он нас с этим окуньком съест, и мы опять в его теле будем. Уж очень, похоже, он маме приглянулся, хотя совсем непонятно чем.

– Ну, да это ее дело, – подвел итог своим умозаключениям САМ. – Но куда же забросило Жопку и Языка? Вот это интересно было бы узнать. Наверное, Кэт потому и не раскрывает нам все карты, что потеряла их напрочь.

В это время поблизости пролетело два маленьких, но очень шустрых окунька, и ВГ чуть было уже не выдал себя.

– Погоди, погоди, не спеши, – приостановил его прыть САМ, – успеем. Давай-ка лучше помаркуем малеха, как нам обломилось такое счастье.

– Ни хрена себе счастье, червем ползать, – заметил обиженно ВГ. – Такое тело из-за тебя покинули. По-моему, ты перемудрил в этот раз, – сказал он, как-то подозрительно

глядя на САМа.

– То были при теле и вместе, действительно: Отец, Сын и Святой Дух, а теперь что? Ты сам по себе, я сам по себе, и тело...

При слове «тело» он ткнул себя в бок: – Студень какой-то. Как все это понимать?

– А так и понимай. Не знаю кто, но в этот раз с нами сыграли совсем на равных. В результате тело Навигатора разлетелось на части. Мы с тобой попали в этого парня, а Жопка и Язык в кого-то другого. Теперь мама пытается нас свести и снова объединить. Только после этого она сможет вернуть назад всего Навигатора и сделать новую установку для дальнейшей работы.

– Во, как, – протянул ВГ. Он всегда после завершения первой фазы операции оказывался первым помощником САМа, но никогда не отваживался его спросить: почему именно он выступает в их экипаже вторым номером.

– А почему я с тобой, а не Язык? – неудержался в этот раз от вопроса ВГ.

– Ну, его-то можно в Жопку спрятать, а представь себе, как бы ты там смотрелся, – усмехнулся САМ.

– Твое место всегда только в Голове, а значит, во мне. Ты

мне нужен и мы с тобой – это основная часть нашего организма. Вот выкарабкаемся если, то сможем пред Кэт предстать и в таком, половинчатом виде. Для нее потеря двух членов экипажа – не потеря. Главное дело.

– Да, да, главное дело, – поняв, что ему и в этой операции вновь отведена роль второй скрипки, поддакнул ВГ.

– Ну, что обсудим диспозицию? – он подполз поближе к САМу. – Как дальше будем действовать?

САМ чуть отодвинулся, делиться своими мыслями с ВГ ему сейчас явно не хотелось.

– Меньше знает, лучше спит, – подумал он. – Значь так, сейчас идем на обед к окуньку. Да, смотри только, что б это был один и тот же окунь, а не то мы тебя потом днем с собаками не найдем.

– Что? Какие собаки? – не понял ВГ.

– Да есть тут такие твари, враги наши, мать их за ногу, – зло прорычал САМ. В последний момент он решил подстраховаться и не рассказывать пока другу ничего про собак – их последний форпост. Не раскрывать до поры до времени все козыри, мало ли что, форс-мажоров в его скитаниях по Вселенной было хоть пруд пруди. Хотя, он и знал ВГ уже много тысяч лет, и у него не было оснований не доверять ему, но, как говорится, береженого – бог бережет.

– Да ты, я смотрю, хорошо информацией уже успел подзарядиться, чешешь экспромтом, я аж не въезжаю, – обиженно засопел Внутренний голос.

– А тебе и не надо, отдыхай. Хотя, погоди отдыхать! Вон, плывет наш окунь, начинаем пританцовывать, чтоб обратил внимание.

По направлению к ним на хорошем ходу двигался совсем небольших размеров окунек, но, по всему было видно, шустренький. Тихарек (так звали окунька) очень спешил, потому как у него сегодня было первое свидание с возлюбленной, которую он заприметил еще на прошлой неделе и уже решил, что зимовать в этом году обязательно будет только с ней. А по весне!

Тихарек, представив себе какое счастье ожидает его по весне, тут же от удовольствия закатил свои рыбки глазки, в несколько раз увеличив свою и без того весьма приличную скорость. Одним из его основных принципов существования был принцип – никуда и никогда не опаздывать. Дал слово – держи.

– Кончится, наконец-то, для меня эта холостяцкая жизнь, – весело подумал он и тут заметил, как впереди на стебле кувшинки пританцовывает довольно упитанный червяк. Тихарек, не останавливаясь, моментально заглотил его.

– Больше не будет борзеть, – ухмыльнулся окунь. – Отборзелся членистоногий.

Но не успела эта веселая мысль покинуть его рыбью голову, как он увидел второго, еще более крупного червя.

– Два-то уже многовато будет, – подумал он, но животный, а вернее рыбий инстинкт жизни, сделал свое дело и он нехотя заглотил и второго. Движения окуня сразу стали плавными и неспешными. Внутри все потеплело. Спешить уже никуда не хотелось. Естественно, бдительность окунька притупилась.

– Вот мы и на месте, – удовлетворенно крякнул САМ. – Как сам?

– Ничего, ничего, – зализывая рваный бок, ответил ВГ. – Живой пока.

– Немного сегодня не повезло мало'му, вторая дырка за день. Ну да, недолго осталось, – подумал САМ. – Еще полчаса и мы растворимся в этом окунечке полностью, а что дальше будет одной маме известно.

– Не бросит, вытащит, – последнее, что он успел подумать, так как в этот момент огромных размеров щучища метнулась на окунем, который и глазом не успел моргнуть, как она уже была рядом.

Включив все свои мощи, окунек попытался оторваться от нее. Он уходил на виражах резко вниз, выскакивал из во-

ды, менял направление движения, но не тут-то было. Щука была так же молниеносна, как и Тихарек.

Эх, ему бы ближе к солнцу и пошустрее, пошустрее! Но он почему-то раз за разом после очередного прыжка вверх пытался уйти на дно и зарыться в плотный песок.

Щука пришла на сто процентов с ям, и такая тактика Тихарька ей была только наруку. На дне она была как у себя дома, а вот на поверхности, да еще против солнца, щука чувствовала себя совсем неуверенно.

Она вообще не любила это Солнце, считала его лишним предметом в этом мире и не испытывала к нему никаких чувств вообще, а уж, тем паче, положительных. Зимой и ночью, когда Солнца не было, она чувствовала себя куда как более комфортно, чем сейчас при нем.

– Тяжел сегодня почему-то, – подумалось Тихарьку, и тут же он вспомнил, что пять минут назад съел двух здоровых червяков, которые и заставляли его сейчас делать все в два раза медленнее и пассивнее.

– А вот был бы вегетарианцем, был бы жив, – сказал кто-то изнутри Тихарьку.

– Кто ты? – спросил изумленный Тихарек, уже понимая, что от Щуки ему не уйти.

– Кто, кто... дед Пехто! – раздалось опять где-то у него внутри, – зачем червячка заморил? Вот сейчас и придется отвечать, – последнее, что услышал прожорливый окунь, перед тем щучья пасть проглотила его, практически, даже не задев своими острозаточенными зубищами.

Глава 22

Гиров очнулся мгновенно. Сознание говорило ему, что он на рыбалке. Однако, оглядевшись по сторонам, он сразу все вспомнил. Никакой рыбалки, конечно, не было. Он лежал на больничной койке, почему-то привязанный к кровати. Руки от этого жутко ныли.

Саня попытался развязаться, но не тут-то было. Просить, чтобы тебя развязали, было бесполезно. Раз связали, значит, за «буйного» приняли или сделали таким.

Руки болели нестерпимо, и он стал потихоньку раскручиваться. Это требовало времени и терпения. На ум опять почему-то пришла рыбалка, в том незабываемом для него семьдесят третьем году, когда он в тринадцать лет пошел на таежное озеро вместе с дядей и чудом остался жив, отделавшись, как говаривал дядька, легким испугом.

– Ехал грека через реку, видит грека в реке рак, – стал бубнить про себя Гиров, пытаясь не затянуться до конца и понимая, что тогда его дело труба.

В этот момент в комнату вошел какой-то долговязый, носатый парень с козлиной бородкой и, сев на соседнюю кровать, ни слова не говоря, стал внимательно наблюдать за ним.

Это был Вовочка Пуговкин, отца которого тоже звали Владимиром, отчего в палатах все его называли просто – ВВП.

– Помочь, Второй? – немного понаблюдав, как Гиров выпутывается, дружелюбно спросил ВВП.

– Почему Второй? – не понял Гиров

– А кто ж ты Первый что ли, – ухмыльнулся ВВП. – Первый здесь – Я!

– А ты кто такой, – Гиров начинал свирепеть. Веревки никак не поддавались.

– Я-то? Президент, – выпучив глаза и пристально смотря на Штирлица, глухо сказал ВВП. – Не ожидал такой встречи с Первым?

– Ну, давай, президент, присоединяйся, похоже, я сам не стряхну эти силки.

– Ага, меня потом тоже привяжут, если узнают, что я тебе помог.

– Не узнают.

– Узнают, – твердо сказал ВВП и кивнул на рыжего больного на кровати напротив, – Чубайс заложит.

В это время веревка на левой руке поддалась.

– Сам справлюсь, – подумал Гиров и решил больше не отвлекаться на разговоры с ВВП.

Психи тоже не стали докучать его вопросами, а втихаря заключили между собой пари на вечерний кефир – сможет или не сможет выпутаться.

Веревки врезались в тело все больше и больше. Руки совсем онемели, из-за чего начинало сводить судорогами все тело, хотелось ругаться матом, но Гиров говорил себе: – Молчи и терпи. Помнишь, какая боль была от самоловки, которую ты намотал по глупости на руку, когда на «Мелком» пытался вытащить щуку, попавшую на нее? Ведь тогда же молчал? Вот и сейчас молчи!

– Интересно, сколько уже лежу в этих веревках, – подумалось ему. – Похоже, часа три-четыре, уж больно тело онемело.

На самом деле шел уже восьмой час, как семи здоровым санитарам и помогавшим им больным, жившим в "Черной дыре" на привилегированных правах, удалось скрутить Гирова по указанию Главврача, заметившего в его глазах звериные блики и решившего, что береженого – бог бережет.

В "Черной дыре" это вообще всегда практиковалось: всех вновь прибывших привязывать к кроватям. Это назы-

валось ласковым словом "пеленать". И этому никто не противился, за что все имели не очень тугие повязки. Но этот почему-то воспротивился...

Наконец, веревки поддались и тело, обретя долгожданную свободу, нежно заныло.

– Кайф, – подумалось Гирову.

– Кайф, да? – сказал грозно ВВП. – А я из-за тебя должен кефиром расплачиваться, – и, злобно зыряка на Штирлица, он резко выскочил из палаты. Не прошло и двух минут, как в палату ввалилась целая гурьба персонала и, ни слова не говоря, опять навалилась на Гирова.

– Вы что, суки, совсем обнаглели! – побагровев, заревел он голосом затравленного зверя.

– Вы кого вяжете? Полковника Советской армии? Да я вас размажу... Двое сразу отлетели в сторону и уже больше не приближались к кровати, но оставшихся было вполне достаточно, чтобы сделать свое гнусное дело.

В этот раз сознание уже не покидало Штирлица и он все происходящее наблюдал воочию. Как только его плотно взяли со всех сторон, подошел Главный и вонзил ему в руку иглу.

– Теперь три дня не то что не развяжется, а даже языком не сможет ворочать, – грубо выругался он. – А? Или ты все

же помог ему? Я к тебе обращаюсь, президент хренов? – глядя на ВВП, прорычал он.

– Клянусь Путиным – нет, – запричитал Вовочка, – я из-за него даже кефир потерял, вон Чубайсу отдавать вечером придется, – ткнул он пальцем в сторону рыжего больного.

Следующих трех дней Гиров вразумительно не помнил. Перед глазами носилась одна и та же картина, как его вместе с плотиком таскает по озеру огромная щука, а он даже не может никого позвать на помощь, потому что язык онемел от страха.

После этого начался его очередной – восьмой (или уже девятый) по счету кошмарный сон. А в это же самое время (хотя Земляне всегда считали, да и сейчас продолжают считать, что события, происходящие с ними в разном возрасте, не могут происходить одновременно) он уже вел неравную борьбу – "не на живот, а на смерть".

Тогда, да и сейчас тоже, он еще не знал, что все это звенья одной цепи.

Глава 23

Солнце клонилось к закату. Шел уже второй час, как огромная Щука таскала Санька по всему озеру, не останавливаясь ни на минуту. Подхватил он ее, когда уже смотал удочки и выгребал своим единственным веслом в направле-

нии избушки.

– Бойся ходить на ямы, – звенело у него в ушах предупреждение Бороды. – Там такая тварь водится, что если встретишь, получится настоящий бой с Тенью. Тенью мужики прозвали огромную щуку, обитавшую на ямах «Мелкого» с давних времен.

К слову сказать, к ямам Санек и близко не подплывал. Когда до берега оставалось всего лишь каких-нибудь метров сорок-пятьдесят, он заметил, как самоловка напротив мыска медленно стала сползать.

– На травянку не похоже, та сразу вскачь идет. Развязалась, – подумал пацан и нехотя поехал к жерди. – Надо поправить, непорядок на ночь оставлять не взведенную самоловку, не правильно это.

Саня привык, чтоб на озере у него все было правильно. Бечева медленно уходила от жерди, но не в берег к кустам, а почему-то в сторону ям.

– Совсем окунек на солнце перегрелся, – подумал Санек, – прет в противоположную сторону и хоть бы что. Еще подцепит на глубине корягу, потом не нанырешься. Обрезать придется, а якорь жаль.

На всех самоловках в этот раз у них были настоящие

латунные якорьки, которые дядька привез из последней поездки в Архангельск, где он продавал связанные за зиму сети по очень даже хорошей цене и запасался патронами, порохом и особенно картечью, которой всегда была нехватка в этих местах.

До кола (места, где была самоловка) оставалось метра полтора, как, вдруг, движение бечевы прекратилось.

– Ну все, куда-то приплыл, – подумал парень с сожалением, пытаясь зацепить веслом веревку. На противоположном конце что-то тихо булькнуло.

– Похоже, все же съели, – мелькнула у него мысль и он начал наматывать веревку на руку, сняв для удобства самоловку с шеста. Как только до якорька осталось метров пять он неожиданно почувствовал какое-то напряжение. Снасть пошла с натягом. Было такое ощущение, что он все же тянет какую-то корягу.

Медленно-медленно пацан начал забирать на себя бечеву. Уж очень не хотелось ему сейчас нырять за якорем. Снасть поддавалась и стала подниматься со дна.

– Блин, чертов окунек. Похоже, отменную корягу тащу.

И при этих словах кепка, которая и так еле держалась на чубастом лбу паренька, резко поднялась вверх вместе с волосами. На него из воды смотрела щучья башка! Никак не меньше чем голова трехгодовалого быка Арсения из сосед-

ней деревни, только вытянутая и приплюснутая с двух сторон.

– Ну что? Поиграем? – сказала щука, – кто кого, как думаешь? Кто не спрятался, я не виновата! – и с этими словами она показалась Саньку вся.

Тело парня сразу застыло, как каменное, язык онемел, глаза, не мигая, смотрели на рыбину.

Щука же (а это была именно Тень) размером никак не меньше самого Санька, а может быть и больше, но уж толще – это точно, решила все сделать одним мгновением.

Она резко дернулась в сторону, отчего парень чудом остался на плоту, так как броды (сапоги с отворотами по самые "помидоры") зацепились за жердь плота, и он успел упереться ногами в стопорящее бревно. Дальше он помнил все на автопилоте.

Щука таскала его по всему озеру. Несколько раз она меняла направление, перепрыгивала через плотик (плотик-то не ахти какой был, надо было дядькин брат, да кто ж знал-то), стараясь при этом хвостом сбить его с плота, но Санек все время держался за бревно-стопор, как привязанный, и никакая сила уже не могла его от него оторвать.

Он бы уже давно отпустил эту дуру, подобру-поздорову

(себе дороже), да только вот нож при первом же ударе шуки по плоту ушел под воду вместе с кошелем (кошель он потом выловил, а нож так и не нашел, побоялся в воду лезть), а без него перерезать бечеву было нечем.

Неизвестно чем бы закончилось это состязание, если бы не проснувшиеся мужики. Подгребая на своем плотике к смертельно перепуганному Саньку, дядя Толя приговаривал: – Говорил же тебе, не заезжай на ямы! Эх, племяш-племяш, не слушаешь ты меня никогда. А в этом деле двух раз не бывает.

Борода за всем происходящим предпочел наблюдать с берега, мирно покуривая самокрутку и качая головой, тихо приговаривал: – Лохнеско чудовище он поймал что ли? Как таскает! Как маленький катер! Ай, нехорошо это, нехорошо! Можно тайные силы озера потревожить, оно потом будет мстить за это.

– Обрубай веревку, Толя! Слышь, че говорю?! Обрубай!

Но дядька был еще более уперт и азартен, чем его любимый племянник. Он воспользовался моментом, чтобы снять снасть с руки паренька и закрепить ее на бревне, и уже предвкушал, как он достанет этого гиганта.

Вдруг, все успокоилось. Бечева была свободна.

– Оборвала, такую веревку оборвала, – выдохнул Анатолий и начал было вытягивать снасть, но в это время щука вышла из воды рядом с плотами.

– Не говори никому – не надо, – сказала она, – а встретишь Жавдета, не тронь его, он мой.

И с этими словами она с силой выплюнула в дядьку якорек с окуньком, которого все это время, оказывается, просто зажимала в пасти. Окунь, тут же оторвавшись, упал в корзину с рыбой, а якорь попал дядьке точно в глаз и повис на успевшем его прикрыть веке.

– Ты слышал? – хрипло спросил дядька, обращаясь к Сане и вынимая якорек из века.

– Слышал? – снова спросил он.

– Я ничего не слышал, – промычал глухо Санек, облизывая раненную руку.

– Ты что успел с ней до меня пообщаться? – все сразу понял дядька.

– Угу, успел.

– Ладно, поехали уху варить, – просипел дядя Толя. – Есть на уху-то?

– Одни сороги.

– Ага, одни, – глянув на улов, согласно кивнул Анатолий. – Хотя, вон один окушарик все же к тебе залетел, – ткнул он пальцем в корзину.

– Не было там окушариков, – цыкнул зубами Санек. – Я и не ездил сегодня на окуневы места. Вот здесь на плесе просидел полдня, пока эта сучка не подтянула меня.

– За сучку ответишь! – рывкнула Тень так, что даже Борода на берегу насторожился. Она, оказывается, все это время находилась возле плотов и никуда не торопилась уплыть. Щука так двинула по плоту Санька, что тот как пушинка вместе с рыбой перелетел на плот дядьки.

– Свят, свят, свят, – перекрестился Анатолий, – нечистая, больше я сюда не ходок, только бы выбраться сегодня отсюда. Давай, ужинаем и отваливаем, – сказал он клацающему зубами племяшу.

Но когда уха была уже готова, как это принято говорить в тайге, «на дымок» забрели охотники с соседних угодий. При себе они как всегда имели бутылку и не одну. Дядька размяк и отошел. Он уже не хотел уходить с озера на ночь. Было решено переночевать здесь же и по утру двинуться.

Охотники же, отужинав, двинулись своим путем. С ними был пацан лет пятнадцати, который на вопрос Санька: – Как звать? Ухмыльнувшись и уминая за обе щеки, пролепетал: – А ты че не помнишь, что ль? Мы с тобой уже знакомы.

– Когда это мы уже знакомы, если я тебя первый раз вижу, – обиделся Саня.

– Когда, когда в недалеком будущем, – засмеялся пацан, – зови меня Левчиком, если, конечно, еще когда-нибудь увидишь.

– В недалеком будущем, – про себя повторил Санек, – а на вид, вроде, на дурика не похож.

Глава 24

– Учение Шопенгауэра – это серьезный труд. Однако, на самом деле великий философ не постиг истины, которая открывается далеко не всем, – говорил нараспев о модном среди психов философе ВВП, искоса поглядывая на привязанного Гирова, уже второй день лежавшего с одуревшими, ничего не понимающими глазами.

– Позволю с ним не согласится вот хотя бы по этой формулировке: жизнь земная дана нам в качестве испытания. И основой этого испытания является страдание, – выпятил нижнюю губу Вовочка.

– Во-первых, Шопенгауэр говорит, что человек, уже рождаясь, ощущает муки. Но простите, процесс рождения для ребенка абсолютно бессознательный, а, значит, и безболезненный. Для другой половины единого целого – матери, естественно, это слезы, но это в конечном итоге слезы радости, а не горя. А радость, она, как и горе, может вызывать страдание, но это уже совсем другое страдание. Значит, господин Шопенгауэр прав только в том, что вхождение в жизнь

сопровождается действительно слезами.

В это время радио, висевшее на стене палаты №6, психиатрической больницы №9, в простонародье называемой – «Черной дырой», просипело: – Маленькая ремарка. Сегодня интернет издания поместили сообщение об отклонениях, замеченных в психике премьер-министра Великобритании Тони Блэра. Заключение гласит: премьер-министр самой консервативной из всех стран мира – психически не здоров, что выражается у него в мании «героизма». До этого в адрес Блэра звучали обвинения, что он клон. Заключение делали авторитетные психиатры страны. Пресс служба премьер министра была вынуждена оправдываться.

Прослушав внимательно заявление радио, ВВП деловито выключил приемник со словами: – Это ожидает всех, но продолжим нашу лекцию.

Больные палаты (все кроме Штирлица, ибо только он один был в привязанном состоянии) деловито склонились над своими блокнотиками в готовности записывать гениальные фразы президента.

– Шопенгауэр прав в одном, – продолжил Пуговкин. – Земная жизнь действительно дана нам в качестве испытания. И основой его является страдание. Но, – поднял он палец кверху, – и это попрошу выделить жирно (Чубайс тут же стал

слюнявить карандашик, согласно кивая), что же есть – страдание?

– Почему для одних страдание – это лечение больного зуба, а для других – жизнь без нижней части туловища в течение пятидесяти и более лет. Где грань, где справедливость, где истина? Что есть страдание? Что понимать под страданием, вот в чем вопрос?

– Сам Шопенгауэр ходил в гости с собственной чашкой, чтобы не подхватить малярию или другую заразу, он страдал уже только от одной мысли, что может заболеть или состариться. Вопрос о страдании заставляет нас задуматься о том, что страдание есть величина условная. И то, что одни считают страданием, для других может быть счастьем. Или, наоборот, то, что одни посчитали бы за счастье, для других является страданием.

– Поэтому принцип великого русского Зодчего Козьмы Пруткова: попала заноза в палец, радуйся, что не в глаз, и будешь вечно счастлив – является вершиной всех философских учений!

Больные заплотировали. ВВП чуть поклонился и еще больше выпятил нижнюю губу.

– Прямо Муссолини, – откуда-то из бездонных глубин сознания медленно приплыла к Гирову мысль.

Он пытался слушать, но понял, что доза вкаченного ему накануне нейролептика неимоверно велика и никаким усилием воли он не сможет себя заставить работать головой эти несколько дней, пока действие препарата не ослабнет.

А ВВП между тем продолжал: – А основой всего является по-прежнему мысль. Если ты можешь заставить себя думать, что ты счастлив – ты счастлив. Если ты думаешь, что ты несчастен – ты несчастен, не смотря на все твои миллионы.

Если ты в состоянии заставить себя думать, что ты здоров, то ты не испытываешь болезни. Если твоя мысль постоянно говорит тебе, что твоего лица коснулись грязными руками и у тебя теперь может выскочить прыщ, у тебя обязательно выскочит чирей.

– Возникает вопрос: каким образом Мысль – венец всего, направить в нужное русло? Как помочь ей оказать помощь нам простым смертным? Самый простой способ, человек от природы запрограммирован: если мы улыбаемся, даже когда нам плохо, то мозг постоянно получает об этом сигнал от наших клеток, лица в данном случае, что в его понимании означает хорошее настроение.

– Путь более сложный: необходимо принять как должное

то, что происходит и четко себе представлять, что жизнь является испытанием для всех нас, причем для каждого из нас – это индивидуальное испытание, которое зависит во многом от наших корней. И, может быть, дети как раз и отвечают за своих родителей или следует копнуть еще глубже, что для меня лично уже явно.

– Приняв во внимание это, человек сможет уже более достойно выдерживать все трудности, выпавшие на его долю. Борьба с трудностями и их преодоление, в конце-концов, станут для него почетной и достойной обязанностью. При обязательном стремлении избегать личных ошибок или стремиться к тому, чтобы не допускать их. Это путь настоящего Воина.

И, наконец, третий вариант: смотреть на трудности как на само-собой разумеющиеся вещи, данные нам в назидание и для нашего скорейшего очищения. Не думать о них как о трудностях. Ведь, если не думать о том, что угли горячие, то и не сваришь пятки. Или, если мысленно представить, что кирпич – это стекло, он будет расколот тобой как стекло.

– Во, дает! – с восторгом выдохнул рыжий больной. – Владимир Владимирович, помедленнее, пожалуйста, я записываю, – попросил он ВВП.

– А здесь, между прочим, все записывают, – искоса гля-

нув на него, бросил ВВП и молча сел на кровать, потому что в палату со всей своей свитой вошел Главный и сразу же направился к Гирову.

Глава 25

В разведке никогда не говорили слова «последний», а всегда только «крайний». Это была та традиция, с которой с первых дней работы в ГРУ Гиров не мог согласиться. По его глубокому убеждению в любом деле всегда существуют, пусть и не зримое, но начало и конец. А раз есть конец, значит должен быть и последний. Тот, кто закончил то или иное начинание, цикл, поступок и является последним.

Крайний же он может быть как последним, так и первым в нашем трехмерном мире. Ведь что такое крайний? Корневая основа слова крайний – это край, а край является как началом любого отрезка, так и его концом.

Хотя последние ноу-хау в компьютерном мире сверх скоростей и объединяли эти два понятия в одно (например, при запуске программ с большим количеством информации последний бит становился первым и наоборот) и последнего, казалось бы, можно назвать крайним, но тем не менее мысль о том, что у любого дела есть два края – начало и конец, никак не позволяла Гирову принять такую легковесную и очень даже, по его мнению, уязвимую теорию особенно, если это касалось разведтрадиций.

– Не логично и присутствует какой-то шаблон, – всегда отвечал на замечания соратников по работе Александр, когда его в очередной раз пытались поставить на место за использование слова «последний», – а в разведке не должно быть шаблонов.

Иногда это происходило во время застолья, когда производились тосты и здравницы. В войсках говорили: – Была бы пьянка, но подошел замполит, и получилось мероприятие. В элитных подразделениях этих войск вообще считалось верхом неприличия пить «в тихую».

Возникновение этой традиции уходило корнями в далекое прошлое. Шпионы всегда должны были уметь вытягивать информацию в любых условиях и без привлечения внимания окружающих. Для этого необходимо было уметь хорошо и уместно вести разговоры. А в любом деле (особенно в разведке) во главе угла всегда стоит практика. Ну, а где ты найдешь более подходящие условия попрактиковаться, как ни во время застолья. Тут тебе все условия (можно в расслабленном состоянии попробовать любые темы, даже самые запретные и обычно труднодоступные). В таких условиях каждый даже самый косноязычный чувствует себя Цицероном или Сократом!

Вот и в этот раз, прибыв на новое место работы в резидентуру ГРУ на территории одной из стран Восточной Европы и накрыв в качестве проставления для товарищей по работе стол, Гиров не стал изменять устоявшимся правилам и, когда очередь дошла до него, сказал буквально следующее: – Много говорить пока не хочется.

Понимаю, что кто-то по этим моим словам сразу вынужден будет составить первое впечатление обо мне и, может быть, уже никогда не захочет его менять, потому как, учитывая специфику нашей работы, и то, что я последний из прибывших...

При слове «последний» лампочка в крайней слева настольной лампе (а всего ламп было четыре, по количеству столов) с треском перегорела.

– Вот так живет Америка с Европой, ну а у нас все через ж-ж-ж-ж, – бросил Серж – владелец стола, заглядывая под абажур.

Лампочка моментально стала черной, хотя и не взорвалась полностью.

– Хорошо, хоть, еще не разлетелась, а то бы сейчас салатки приказали долго жить, – оптимистично заметил он.

– Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят, – пропел Зам. ВАТа, намекая на оставшиеся три лампочки.

– Не будем отвлекаться на мелочи, – поставил всех на свои места резидент, – хотя это и не случайно... Не надо было тебе употреблять это слово, – какое, он повторять не стал. Всем и так было понятно.

Гиров же, как бы ничего не замечая, продолжил: – Так вот, учитывая специфику нашей работы, и то что я прибыл последним (– Этот попался упертый, – подумал резидент.), другой такой возможности поговорить вот так вот, в непри-
нужденной обстановке может просто не случится, поэтому хочу начать с небольшой притчи.

Ремарка была принята под общие возгласы: – Много текста! Ближе к телу! Что означало: в этом коллективе умеют понимать сказанное с полуслова.

– Пролетая над равниной, огромный орел заметил большую отару овец. Он выбрал самого жирного барана, упал на него камнем, и, пока пастух приходил в себя, поднялся с ним в воздух и полетел. Пастух, опомнившись, выстрелил сразу из двух стволов. Когда дым рассеялся, обезумевший пастух увидел, как орел медленно начинает падать на землю, а баран, как ни в чем не бывало, летит дальше, – закончил Гиров.

– Так за кого пьем? – спросил смуглый, похожий на венгра опер, которого за его усы все звали просто Боцман. – За

баранов или за орлов?

– А может, за пастуха или за то, что все-таки попал? – хихикнул Ленин, лысый маленький подполковник.

Гиров немного подождал (не будет ли каких-либо реплик еще) и продолжил, не замечая шуток товарищей:– А выпить здесь предлагается каждому за свое, кому что ближе. Хочешь, – он, улыбнувшись, глянул на лысого, – пей за пастуха, но лично я предлагаю выпить за то, чтобы в нашем коллективе бараны никогда не летали, а орлы не падали.

– Есть встречное предложение – расширить границы тоста до ГРУ, – сказал молчавший до этого резидент. Он вообще любил наблюдать, как его подчиненные ведут себя, забыв про его присутствие, и старался лишний раз не мешать им чувствовать себя самостоятельными. Несмотря на замечание шефа, все присутствующие поняли, что тост ему пришелся по душе.

– Ну, да пора и честь знать, – сказал он напоследок. – Вы еще пол часика посидите, и тоже расходитесь по одному по своим делам. Завтра полный рабочий день для всех. Александр может день использовать для размещения, – глянул он на Гирова и впервые за весь вечер улыбнулся.

– Есть, – коротко по-военному ответил Гиров, про себя подумав, – без выходных работаем, значит.

Глава 26

Этот первый день, а вернее окончание первого рабочего дня в резидентуре, Саня вспомнил именно сейчас потому, что вот уже битых полчаса ВВП объяснял всем больным в палате великое значение и силу слова «последний».

Здесь сказанное Вовочкой полностью совпадало с позицией Гирова, и ему было очень даже интересно со стороны понаблюдать за тем, как абсолютно незнакомый ему человек говорит, практически, теми же словами, что и он, указывая на неправильность и легкомысленность такого высказывания, как «крайний».

Разговор ВВП был сосредоточен на одном из больных, по-видимому, в прошлом бывшем вертолетчике. Они, оказывается, тоже выбросили из своего лексикона слово «последний».

Владимир Владимирович, наслаждаясь тем, что в этот раз его слушают абсолютно все свои, включая Гирова, и даже больные, зашедшие из соседней палаты, излагал: – Истинный ботхисаттва остается на Земле и отказывается от счастливой жизни в раю с тем, чтобы оказать помощь своим ближним достичь просветления. Но любое действие в абсолюте имеет свое начало и конец, даже если это неуловимо для челове-

ского глаза и нашего понимания. А учитывая, что движение происходит в неразрывном потоке и единой цепи, становится ясно, где искать первого Будду, достигшего первым просветления и ведущим за собой остальных.

– А что? Их несколько было Будд этих? – спросил кто-то из зашедших, ибо свои, местные не осмеливались прерывать ВВП, так как Вовочка мог обидеться на такую нетактичность и замолчать на несколько дней, что с ним уже один раз было, когда Чубайс случайно не выдержал напряжения очередной его высокоинтеллектуальной лекции и заснул.

Пуговкин тогда отпустил ему такого щелбана, что Толик потом неделю носил на лбу шишку величиной с грецкий орех. ВВП же после этой дерзкой выходки рыжего больного целых три дня отказывался читать свой знаменитые лекции несмотря на все уговоры.

Вот и сейчас все сразу зацыкали на незадачливого слушателя, но ВВП, заметив в нем постороннего, отнесся к нему благосклонно.

– Многоуважаемый, – начал он. – Многоуважаемый, но не очень просвещенный, – повторил Вовочка, – Будд было немерено. У меня не хватит пальцев на руках и ногах перечислить всех, но одно я могу тебе уверенно сказать, первым Буддой, или по-другому основателем буддизма, был Сид-

дхартхе Гаутама, происходивший по преданию из царского рода племени шакьеев в Северной Индии и живший еще за пятьсот лет до рождения Христа. Это понятно? – спросил он незадачливого слушателя.

– Дык, кто их поймет-то, – ответил тот растерянно пряча глаза, – ведь вот тут до тебя в этой самой палате тоже лежал один, дык ведь он себя именно так и звал – Буддой. И, помню, он говорил: – Об одном прошу вас, соплеменники, не путать меня с Балдой. Этот после меня к вам должен прийти.

В палате наступила мертвецкая тишина. Больной сам, наконец, поняв смысл своей последней фразы, жалостливо втянул голову в плечи и опустил растерянный взгляд на видавшие виды тапочки Вовочки.

– Вот, я тебе и говорю, много их было, – видя, как потух гость и больше не обращая внимания на заблудшего, кивнул ВВП. – Однако, для более детального и предметного разговора обратимся за помощью к некоторым выдающимся мыслителям.

– Так, многие из них, соглашаясь с положениями восточных религий и, в частности, буддизма заявляли, что состояние nirваны достигается в определенных случаях еще на Земле.

– Но несмотря на все ранее написанное, – Вовочка поднял торжественно палец кверху, – этого состояния достигает не человек, или, скажем корректнее, не Душа, имеющая человеческое тело.

– Человек – это высокая форма развития материи, но отнюдь не самая последняя, предназначенная для перехода в другие измерения, когда этот переход происходит в едином потоке и единой цепи. Прежде всего, потому что Космический разум никогда не посетит говорливое человеческое сознание.

– При любой попытке Космического разума проникнуть в человеческое сознание, человек, не умеющий хранить молчание, тут же признается сумасшедшим, – при этих словах Вовочка почему-то показал пальцем на Гирова. Среди больных пробежал нездоровый шумок. Штирлицу стало не по себе, хотя слабонервным он себя никогда не считал.

– К тому же, – продолжал Пуговкин, – как говорил мой дедушка Шопенгауэр – цель человеческого существования познать страдание, а страдание не может быть совместимо с состоянием нирваны.

– Кроме Артурика многие философы стояли на этих позициях, – ВВП почесал за ухом и опять ткнул пальцем в Гирова.

– Фридрих Ницше, – громко назвал Гиров первую пришедшую на ум фамилию философа.

– Во-во, – восторженно пропел ВВП, – откуда знаешь, что хочу сказать? Мысли читаешь? Телепат? Или педераст? Ладно, с тобой я потом разберусь, – бросил он.

– Давай разбирайся, – ответил Гиров, которому это все порядком уже поднадоело, и он, честно говоря, подумывал как бы перебраться отсюда в другую палату.

А ВВП тем временем продолжал: – Так вот, ни кто иной, как Ницше, предостерегал всех от возможных заблуждений в этих вопросах, говоря, что между сверхчеловеком и обычным человеком обязательно существует какая-то связь.

– И Я, – он сделал ударение на я, – хочу вам указать на эту связь. Не трудно догадаться, что канатом, натянутым между человеком и сверхчеловеком, или по-другому той самой связью, может выступать только настоящий и преданный человеку друг, освобожденный от всяких житейских обязанностей, забот, хлопот и одновременно обладающий сознанием.

– Логично предположить, что последним пристанищем первого Будды на этой планете будет тело собаки в той точке земного шара, которая является сердцевиной Земли в данный конкретный момент времени, так как путь, пройденный

этим Буддой, вбирает в себя не только жизни, прожитые им Слоном, ослом и тигром, а так же растением, минералом и камнем. Но это уже моя личная догадка, – Вовочка победоносно выпятил губу.

– Соответственно, все члены этой семьи, следующие за ним в Единой Космической цепи, являются ее звеньями. Их любовь и уважение друг к другу являются тому подтверждением. Последовательность данной цепи вытягивает сам Космос. Для него нет секрета, кто идет за кем. Для нас это пять концов одной звезды.

– Но так или иначе, всем, кроме собаки, придется еще, как минимум, раз почувствовать земное бытие в присутствии Космического разума, который в любой момент может перемешать всю колоду по-своему, потому как никто из нас до конца своих дней не знает и не узнает, является ли он последним звеном в этой цепи.

– Вот это и есть высшая форма той Игры, которую, я думаю, постиг только Ницше.

– А, учитывая, что в этом мире все подчинено закону чисел, то становится очевидным, что, даже определив Единицу, мы не в состоянии нарушить или разрушить это движение по двум причинам: – во-первых, в силу того, что Разум находится в молчаливом сознании и у него может быть еще бес-

численное количество степеней защиты, о которых мы просто не догадываемся; во-вторых, и тут я пока не силен в науке о числах, но могу предположить, что оставшиеся четверо могут постоянно меняться местами в соответствии с общим алгоритмом их ратных дел, с учетом всех прошлых реинкарнаций.

– Вот это-то и должно придать всему элемент Игры, непредсказуемости, но вместе с тем и определенной организованности при выходе из Зоны Организованного Хаоса! – закончил свою тираду ВВП, победоносно бросив вперед правую руку.

В это время в палату вошла медсестра Динара и пригласила всех желающих на вечерний или, как его прозвали больные, халявный кефир.

– Она в цепи, но цепь длинна, величиною в Жизнь, – успел прошептать на ухо Гирову ВВП и, первым выпрыгнув из комнаты, вприпрыжку побежал занимать очередь у окна раздачи. Философия, философией, а халяву Вовочка любил очень.

Глава 27

На третий день своего отвязанного состояния, лежа на кровати и наслаждаясь такой долгожданной и сладкой свободой, Гиров поймал себя на мысли, что те страдания, которые ему пришлось испытать в последние дни, совсем не слу-

чайны.

Ему вновь пришли в голову слова Вовочки, предназначенные, как ему показалось, именно для него. Он вспомнил, как президент, то и дело заглядывая ему в глаза и для пущей убедительности тыкая в его сторону указательным пальцем, нараспев говорил: – Любимый мной Шопенгауэр и другие великие мыслители Европы на протяжении всей своей жизни неоднократно пытались донести нам, что жизнь дана нам в качестве испытания и основой его является страдание.

– А что, первая благородная истина буддизма тоже гласит: «Все есть страдание», – подумалось Гирову.

– Или вот еще: «Быстрейший конь, который мчит нас к совершенству – это страдание». Христианство, кстати, подтверждает это, говоря, что те кто поймут страдание, чтобы с ними ни случилось, будут всегда исключительно спокойны и светлы. Они поймут, что именно страдание ведет к истинной цели жизни. Да, и сам крест является не чем иным, как символом страдания.

– А молитва Страдания? Вдумайтесь только в ее слова: «Боже, я благодарю тебя за это страдание, за это лекарство от грехов моих и недоразумения моего, посланное тобою в тяжкий труд. Благодарю, Отче! Ибо в нем сгорят мои старые одежды, и я воскресну к новой жизни чистый – как дитя, свободный – как Дух, яркий – как луч! Амен!

– А почему нет? – продолжал рассуждать Гиров. – Учитывая то, что целью жизни любого человека является достижение Просветления, может случиться так, что быстрее путь к этому действительно проходит через страдание.

– Но здесь неплохо было бы во всех философских и религиозных учениях мира ввести еще такой термин, как Осознанное страдание, – вдруг, осенило Гирова.

– Каждый разумный человек, совершенствуясь, так или иначе, становится на путь Осознанного страдания, держа себя в определенных рамках морали, законов, сложившихся правил, заставляя усилиями силы воли добиваться тех или иных результатов в работе, поддержании своего здоровья в надлежащем состоянии, отказываясь от спиртного, сигарет, наркотиков, он тем самым подвергает себя Осознанному страданию.

– И вот это самое Осознанное страдание как раз-то и позволяет человеку достичь Просветления, оградив его, таким образом, от еще бо'льших страданий. И тогда изречение самого Будды как-то сказавшего своим ученикам: «Только тогда вы сможете не страдать, когда научитесь страдать», становится абсолютно понятным всем, а не только избранной горстке Посвященных.

Гиров понял, что именно Осознанное страдание и является краеугольным камнем учения Будды, позволяющим как раз таки и избежать этого самого страдания.

– Обычному человеку далекому от философии будет, в лучшем случае, не понятен смысл его земного существования, если ограничиваться только одной фразой, что суть земного существования заключается в познании страдания. Эта мысль может повергнуть его в такую невыносимую тоску и уныние, выход из которой только один – водка, – подвел Сая итог своим размышлениям.

– Не, ну как простой чел может согласиться с мыслью, что суть земного существования заключается не в достижении счастья, к которому он стремился всю свою жизнь, а как раз наоборот – в познании страдания, если не использовать такое понятие, как Осознанное страдание и не давать его расшифровку?

– Земля для многих из нас является единственным домом, – продолжил свои размышления Гиров, – и предназначена она для того, чтобы каждый достиг здесь Просветления. По всей вероятности, человек проживает свою жизнь множество раз, пока, наконец, преодолев неведение, не достигнет Просветления. Причем, с нами происходит это незаметно для нашего сознания. Космический разум заставляет просыпаться наше сознание постепенно.

И, похоже, все мы должны начинать с укрепления духа? Укрепление духа – единственное ради чего стоит жить. Не действовать ради укрепления духа, значит, стремиться к смерти, а стремиться к смерти, значит, не стремиться ни к чему вообще, потому что к ней в лапы рано или поздно попадет каждый из нас, – пытался размышлять Саня, ожидая прихода жены, и одновременно думая о том, как же ему надо вести себя, и каким образом он должен выстраивать свое поведение и поступки, чтобы избежать этой унижительной процедуры – быть снова привязанным.

Однако, не только эти мысли занимали сейчас Гирова.

Подобные случаи с ним происходили и раньше, причем чаще всего на трезвую голову, после чего он напрочь ничего не помнил, а жена ни о чем не спрашивала, учитывая специфику его работы и зная, что если что-то надо, то скажет сам.

В этот же раз Саня прекрасно помнил все случившееся и последнее, что он увидел перед тем как неведомая сила, подняв его с дивана, швырнула головой в телевизор и он потерял сознание – была любимая им уже пожилая артистка кино, печально пропевшая: – Опустело небо без тебя ..., – а после того как она исчезла, уже пустой экран телевизора голосом Зона Коба, известного на просторах всего СНГ эстрадного певца, простуженным голосом прохрипел: – Павли-

ны говоришь? Кхе-кхе-кхе!

Глава 28

– Похоже, первый блин комом, – молниями пронеслось в Черной дыре, которая, с бешеной скоростью пересекая по диагонали скопление карликовых звезд, одновременно внимательно наблюдала, как с интересующего ее объекта, медленно плывущего вокруг небольшого отдающего теплом ярко-желтого шарика, в свою очередь огибающего по какой-то замысловатой кривой линии плотное кольцо галактик, в ее сторону стремительно движется головная часть Навигатора, напоминающая сейчас небольшую черную точку-пустышку.

– Ну что ж, так даже интереснее. Будем считать это пробным шаром. Полное возвращение Навигатора состоится не раньше чем через сто дней, – поняла Кэт, пытаясь сразу посчитать, сколько же это будет земных лет.

Быстро просчитав траекторию движения пышущего теплом шарика вокруг скопления галактик-груш, Черная Дыра получила точное время через которое желтая звезда, а с ней и интересующая ее планета вернутся в заданную точку. Получалось ни много ни мало – четыре года, или двести двадцать миллионов земных лет (все свои расчеты Кэт для простоты дела сейчас уже предпочитала вести в земном исчислении).

Она поняла, что захватила планету в вилку с интервалом в пятьдесят лет и сейчас находится где-то близко к золотой середине.

– Можно рискнуть и сделать контрольный выстрел с процентом попадания даже не пятьдесят на пятьдесят, а гораздо выше, – начала размышлять она, однако, ей хотелось в этот раз только «верняка»! Уж очень захватила ее эта игра!

– Ладно, подведем маленький итог, – подумала Кэт, которой все-таки ценой огромных усилий и невероятного терпения удалось выдернуть на себя головную часть Навигатора.

– Мэм, – отчитывался САМ, – вначале о наших потерях. Язык и Жопка исчезли бесследно. Я не смог их обнаружить даже после того как, используя Петлю времени, переместился в 1973 год от рождества Христова. Самовольно погружаться глубже я не рискнул, хотя я спинным мозгом чувствовал, мэм, они были где-то рядом.

– Спинным мозгом это пусть Жопка чувствует, – парировала молниеносно Крошка, не собираясь и сейчас раскрыть перед САМом все карты. – Давай конкретно, коротко и по фактам.

– О'кей, мэм. После первой заброски нам разбросало.

– Это я все знаю, – оборвала его Кэт. – То, что ты с Моз-

жом попал в этого чудика, и то, что вы потеряли Жопку и Языка, мне не надо рассказывать. Ты мне скажи лучше как произошло, что в семьдесят пятом вы снова не сошлись все вместе?

– А, значит, все же Язык был там на озере? Вот, я задницей чувствовал, что они рядом, – опять было начал САМ.

– Ну, все, еще раз задницу вспомнишь, я тебя ею и сделаю, – ласково сказала Мамочка, отчего у САМа сразу выступил пот по всей нижней части сидалища.

– Понял, мэм, – подтянулся он. – Хорошо, мэм, что, петляя, мы опустились только до дождевых червей. А иначе бы нам кранты.

– Ну, ничего уже не соображает, одна задница на уме. По всему не может простить себе потерю части экипажа, – подумала Кэт, поняв, что Навигатор уже не сможет работать как раньше без проведения полной перезагрузки.

– Тупиковая ситуация была. Значит, либо натолкнулись на сильного противника, либо второе, – подытожила Черная дыра.

– Ничего, пространство-время пока терпит, – успокоила себя Кэт. – Хотя почему пока? Пространство-время просто терпит.

План дальнейших действий у нее в голове уже созрел, и она была уверена в своей победе. Дело, как ей казалось, оставалось за малым: через Гирова (этот уже никуда не денется) выйти на второй, пока еще не запеленгованный ею объект. Крошка была уверена, что Язык и Жопка ждут и надеются, что их Мамочка вернется за ними.

– Погодите, детки, дайте только срок, будет вам и люлька будет и табачок, – мурлыкала Черная дыра, перезагружая Навигатора и обдумывая на семь ходов вперед все возможные варианты.

Часть 2. ДВОЙНИК

Глава 29

Главврач психиатрической больницы им. П.П. Кащенко Бердяев Николай Александрович, прочитав выписку из переданного ему накануне уборщицей Аськой дневника одного из вновь поступивших к ним пациентов, закрыл внутреннюю дверь на ключ и задернул занавесочку.

Эти два опознавательных разведпризнака говорили даже самым незадачливым работникам больницы, что Николай Александрович занимается тяжелой умственной работой и его во избежание неприятностей лучше не беспокоить.

Наружная дверь была заперта еще четыре часа назад, так

как сегодня был именно тот самый нелюбимый день месяца, а может и года, когда Бердяев заступал на дежурство.

В такие дни Николай Александрович пытался создать максимум уюта в своем кабинете с тем, чтобы удержать свою «крышу» от уже заметного сползания. Что ни говори, а двадцать лет работы в дурдоме давали о себе знать.

Николай Александрович уже неоднократно ловил себя на мысли, что и ему становится свойственна позиция «показного героизма», так широко распространенная среди больных с острой формой шизофрении, по которой он эффективно защитил кандидатскую еще десять лет назад, но, правда, дальше этого дело не пошло.

Бердяев, как он сам, кстати, считал, совершил лишь один необдуманый поступок в своей жизни, и после этого все у него пошло как-то наперекосяк. Этим поступком явилась его женитьба. Он полагал, что его брак является браком, исключительно, по любви. Скоро, увы, все романтические грезы развеялись. Он все понял, но было уже поздно. Одним словом, он, как и многие миллионы мужчин, попал в ловко расставленные сети и уже смирился с тем, что это навсегда.

Николай Александрович вообще полагал, что мы стоим на пороге матриархата и посему не пытался противоп-

ставлять себя окружающим его женщинам. Последние дни он был сама покорность и позволял с собой делать все, что угодно. Он чувствовал, что феминизм опутал его по рукам и ногам, но у него не было ни сил, ни желания бороться с ним.

Кроме всего прочего, Николай Александрович обладал еще одним отличительным качеством: в возрасте тридцати пяти – тридцати шести лет он почему-то перестал выговаривать некоторые звуки, хотя до этого его произношение было безукоризненным. Последнее, однако, его совсем не смущало и не мешало ему, а даже, наоборот, притягивало к нему собеседников, особенно дам, делая его в глазах последних человеком добродушным и каким-то особенно теплым и домашним.

НАБ, практически, всегда находился в женском коллективе: дома три женщины, не считая собаки-сучки, на работе тоже только одни бабы. Так что женщины его уже давно держали за своего и даже советовались с ним: например, какие прокладки с медицинской точки зрения он считает лучшими.

Алексаныч, как его звали большинство сотрудниц, не смущаясь, отвечал на такие вопросы (вроде бы, как бы доктор и это само собой разумелось). Но дальше – больше и вот однажды он так же ненавязчиво был приглашен сотрудница-

ми в баньку, где ожидался сугубо женский коллектив.

НАБ, недолго думая, дал согласие и, уже находясь в парилке и все продолжая давать умные и, как ему самому казалось, очень нужные советы своим подчиненным, вдруг, заметил, что кое-кто из них как-то странно смотрит чуть ниже его пояса.

Бердяев, как бы невзначай, опустил свою голову и понял, что смотреть действительно было на что, но он, не придав этому никакого значения, продолжал рассказывать о вреде углеводов в целом для организма и пользе не просто вегетарианского, а обязательно раздельного вегетарианского питания.

Пауза продолжалась недолго, так как грудастая медсестра Дунька (из новеньких) упросила его потереть ей спину и в этот момент умело стала тереться об его ШТО своей попкой, издавая легкое постанывание: – Ой, хорошо, бабоньки! Даже без раздельного вегетарианского питания хорошо!

ШТО стало увеличиваться в размерах и мешать активному процессу мытия Дунькиной спины. Глаза остальных баб сразу загорелись дикими огоньками.

– Сто это такое? – без грамма смущения спросил Бердяев на полном серьезе, показывая указательным пальцем на ШТО.

– Ну как, Алексаныч, – первой откликнулась Дунька, – это же вещь, а нас тут совсем немного! Всего-то пятеро!

Спина у нее хищнически выгнулась, правая рука нежно дотронулась до органа.

– Да, вот сагадка для всех, – ничего не замечая, пробасил Бердяев. – Какой орган у муссины мосет увелисиваться в десять рас?

– Ну, этот же, – не выдержала теперь и подруга Дуняши старшая медсестра Наталия и тоже попробовала добраться до органа рукой. Уж очень он был строен! Николай Александрович хоть мужичок был и невысокий, но, как говорится, в корень пошел.

Другие активно закивали, мол, согласны какой же еще! Парилка наполнилась движением в предвкушении нежданного счастья.

– Не досволительное для медисинских работников неснание анатомии тела, – скучно сказал Бердяев. – У муссин таким органом является срачок, впрочем, как и у сенсин.

Он шлепнул членом Дуньку по заднице и пошел пить чаек, заметив на ходу, что жаль, мол, брусничный не успел заварить, для баньки-то он самый пользительный.

– Такой коняра ускакал, – жалостливо простонала Дунька.

– Во! – она отмерила правой рукой на левой. – Точно в десять раз вырос, хотя и до этого был – во! – она снова показала, но теперь почему-то уже левой рукой на правой.

– А он срачок, срачок. Натянуть бы ему этот срачок на задницу, – передразнивая Главного, в сердцах руганулась она, меж тем не имея никакой на него обиды. Ну, обломилась нежданная халява, и хрен-то с ней, ведь все равно – халява же, не плановое сорвалось.

Дуняша чуть похрипывала по причине того, что два дня назад не выдержала и снова соблазнилась одной маленькой порцией фруктового мороженого, что ей категорически было запрещено врачами еще с третьего класса. Горло, знаете ли.

Бабы еще несколько минут пообсуждали, вдруг, вставшую «ребром» тему и тоже пошли пить чаек.

Глава 30

– Эх, саль телевизора нет, – отхлебывая пунш из пол-литровой кружки, хлопнул себя в сердцах по коленке Бердяев, одновременно вращая ручку настройки приемника:

– ... космический разум посещает только молчаливое сознание. Но это его движение происходит не отдельно от всех остальных или окружающих его других сознаний. Включаются и задействуются все сознания, вступающее с ним в

контакт. Возможно общение на высшем уровне посредством средств передачи информации через телевидение, интернет, радио. По всей вероятности могут задействоваться и неизвестные нам доселе формы общения между людьми.

– Дурдома там у них нет, – подумал про себя Бердяев, но переходить на другую волну не стал.

– ... на уровне человеческого сознания все происходит в виде веселой игры и положительных эмоций, хотя в этот момент совсем не исключаются всевозможные трудности. Цель этой игры непонятна. Вероятно, просто дается возможность понять хотя бы одному, что такое возможно, и что мы и есть часть этого самого Космического разума.

– Может быть, таким образом корректируются наши поступки, происходит какое-то объединение родственных душ, оказывается помощь в собирании их воедино, в указании им правильного пути. А может выстраивается космическая цепь за счет выдергивания их из Зоны Организованного Хаоса, или просто идет деление на своих и чужих.

– Выбор Космическим разумом сознания происходит не случайно. По всей вероятности, это и есть тот самый канат, натянутый между Человеком и Сверхчеловеком о котором писал Ницше.

– Но это не одинокая попытка сойти с ума. В игру включаются все: и те, кто находится рядом с этим сознанием, и те, кто в этот момент могут быть за тысячи километров. Происходит всеобщая активизация.

– И так, напомним вам, что вы слушаете передачу – «Интеллектуалы Вселенной», – сказал голос из приемника. – Сейчас мы, как и обещали, отвечаем на ваши вопросы. Пятиклассник Вася из Вращенец спрашивает нас: действительно ли существовала Атлантида или это все выдумки? Наша передача авторитетно отвечает тебе, Вася, что существование Атлантиды – это исторически доказанный факт.

– Так скажем, Платон излагает целостное учение об Атлантиде в своих трактатах. Это учение ему было передано египетскими жрецами. Оно рассказывает, что за многие десятки тысяч лет до нашей эры процветала могучая цивилизация. К несчастью знания попали в руки непосвященных, невежественных людей и это привело Атлантиду к гибели, но часть ее жителей сумела выжить и в дальнейшем переместилась на Запад – в Южную Америку и на Восток – в Африку. Те атланты, что пришли в Африку, образовали там одну из древнейших культур, известную нам как Древний Египет.

– В заключение предлагаем вам для раскрытия тайных уголков вашей души и медитативного созерцания послушать

"Лунную сонату" Бетховена и арию Калафа из оперы "Турандот". Желаем приятного время провождения! Оставайтесь с нами!

Вся комната наполнилась ароматом прекрасной музыки, от чего и от выпитого пунша Николай Александрович почувствовал себя на седьмом небе.

– Интересно, придет ли савтра Клавдия? – сладко подумал он, вспоминая упругость и размеры ее попки. – Наверное, этак раса в три больше сем у моей Грандысихи будет. Какая сенсина! – последнее, что подумал Бердяев, перед тем как его полностью одолел сон. Остальное он уже дослушивал и досматривал, записывая на корочку.

Глава 31

– Боже мой! Опять теракт?! – вплеснула в испуге руками Клавдия Ивановна. Она, замерев на месте, со скорбью прослушала утреннюю новостную сводку и выключила телевизор. На глазах у нее выступили слезы.

– Когда уже это кончится? Ведь совсем молодые девчонки погибли там в Тушино! Чистые, светлые души!

Клавдия Ивановна глубоко задумалась: – Если согласится с тем, что все случайные смерти детей происходят из-за грехов, совершенных их родителями, или из-за грехов самих детей, но в прошлых жизнях, так как в этой жизни та-

кие юные создания еще не успели нагрешить, то возникает вопрос: – как же глубоко человечество пало в своем нравственном развитии?

– Ведь, если придерживаться точки зрения, что любая случайность – есть непредвиденная закономерность, то получается что землетрясение, унесшее сотни тысяч жизней, послано погибшим в наказание за их поступки?

– Ох, даже представить себе страшно какая пропасть отделяет нас от времени всеобщего просветления и движения общим потоком к Свету и Добру.

– Получается, что наша жизнь – это всего лишь верхушка айсберга? Значит, никто не знает, как мы должны изменить свое сознание и измениться сами, чтобы избежать этой унижительной процедуры – преждевременного ухода из жизни?

– Ну, предположим, что сознание изменилось настолько, что нет ни войн, ни терактов, ни насильственных смертей. Но как быть со смертью в результате стихийных бедствий, природных катаклизмов и несчастных случаев? Каким образом изменить это? Не саму смерть, а преждевременный уход из жизни сотен тысяч людей на планете. Ведь любая преждевременная смерть это горе, а значит – Зло? И, соответственно, движение в сторону противоположную возможному выходу из зоны О-Ха?

– Что должно произойти, чтобы мы могли избежать этого? Наверное, для этого должна измениться сама Земля и наше на ней существование? Ясно, что в таком виде мы просто не в состоянии двигаться поступательно в сторону Света единым потоком. Наше существование совсем не абсолютное и далеко не самое продуманное обитание человека, а всего лишь какое-то промежуточное состояние, которое так или иначе должно закончиться смертью, но у этой смерти разные лица.

Одно – это та смерть, которая, найдя нас, открывает нам ворота в более высокие формы существования, другое – это та, которая, наоборот, закрывает нам возможность движения вперед, возвращая нас на прежнее место.

– Получается что для того, чтобы началось поступательное движение вперед всех, должна измениться вся планета, как космическая субстанция и, соответственно, проживающие на ней люди?

– Значит сейчас возможно движение в сторону Света только отдельно взятых Душ? А для того чтобы началось поступательное движение всей Планеты в сторону Света Добра и Порядка она должна накопить значительное число своих Сынов и Дочерей, оставшихся с ней навсегда и помогавших всем заблудшим Душам обрести необходимые знания для направления своего вектора в сторону единственно правиль-

ного пути?

– Тогда все они должны иметь связь с Землей как космической субстанцией, единым Космическим разумом?

– Сейчас мы уже строим космические корабли, способные находиться в автономном полете бесконечно долгое время. Изобретаем новые виды энергии, готовим различные программы для увеличения живучести таких платформ в автономном плавании и даже не задумываемся над тем, что именно на таком корабле космоса мы уже и находимся. На нем есть все: запасы воды и продовольствия на длительное количество времени, искусственный обогрев планеты, различные источники энергии, многие из которых нами еще не открыты.

– А может быть Земля – это тоже изобретение ума человеческого? Нашего разума, который составляет с Космическим Разумом единое целое и находится рядом с планетой, постоянно материализуясь для решения каких-то своих задач?

– Тогда не планета образовалась и повлекла за собой рождение человека. А человек, наш Разум, являясь частью Космического разума, создал планету, такой, какая она есть, для того чтобы иметь самому возможность периодической подпитки себя, так как другие формы передачи и сохранения энергии являются более сложными и менее перспективны-

ми. Космическому Разуму, которым мы все в какое-то время являемся, необходимы грубые материальные формы для своего существования.

– Возможно, учитывая тот факт, что все мы вместе с Землей посредством системы Солнц, о чем, кстати, в своих трудах упоминала и Блаватская, соединены со Светлым Космосом, нам и удастся, в конце концов, шагнуть за грань, и вырваться из своего постоянного, пограничного состояния между Светом и Тьмой?

– Вопросов больше чем ответов, – размышляла Клавдия Ивановна, вспоминая последние семинары буддистов–адвентистов, то и дело поглядывая на настенные часы, так как поставила вариться яйца и страх как не любила, если они получались крутые.

– Ладно, шут с нею с неизвестностью, – подумала она, решая, во сколько ей сегодня лучше выйти из дома, чтобы, пройдя через парикмахерскую, быть в больнице не позднее четырех.

Глава 32

Осмотревшись по сторонам и поглубже спрятав рулон туалетной бумаги, Левушка, едва сдерживая дрожь и прислушиваясь к доносившимся из соседней комнаты голосам,

начал старательно выводить свою первую шифровку:

– Не удивляйтесь, мой милый друг, что этот лист весь насквозь пропитан водой. Если Вы попробуете его на вкус даже через тысячу лет, то почувствуете солоноватый привкус.

– Нет, это не слезы! Просто любая, даже самая примитивная мысль приходит к нам впервые – либо в воде, либо во сне. Вспомним хотя бы Архимеда или Менделеева. Вот и я зачерпнул эту идею в ванной.

– Почему вода соленая? В водопроводе такая течет? Что Вы! У нас в России пока нормальная вода. Мы до сих пор можем ее пить без вреда для здоровья.

– Нет, вред-то, как Вы догадываетесь, присутствует всегда и в любом деле. Понятие «без вреда» философийское, как и весь этот труд. Но, по крайней мере, почки к сорока годам от такого питания не отказали!

– Все гораздо проще. За свои сорок с небольшим лет мне удалось побывать на море всего один раз, несмотря на то, что я родился и вырос, практически, на берегу того самого моря, а посему я всегда добавляю в ванну с водой полтора стакана соли, чтобы чувствовать морской привкус.

– Ну да ближе к телу, как сказал Мопассан. Замысел романа, который я начал писать, испытывая страшные сомне-

ния, сводится к тому, чтобы приоткрыть Вам тайный смысл написанного в священных писаниях еще задолго до нашей эры.

Весь роман разделен на главы: одни – для людей с философским складом ума; другие – для братков, детей и милиционеров; третьи – для разведчиков и шпионов всех мастей, времен и народов. Читать не относящиеся к вам разделы крайне вредно для психики или, как говорят служители разных конфессий, – большой грех.

Исключение составляют только шпионы, которым по роду занятий и вверенной им судьбой профессией положено знать все: от Баха до Бля...

– Исаев! Жрать иди, а то опять пролетишь как фанера над Парижем, – громыхнуло у Льва Валерьяновича над ухом так, что он, успев подумать: – Это провал, – мгновенно потерял сознание.

Через пять минут, придя в себя, Лев Валерьянович, машинально прочитав с самого начала весь лист, несколько успокоился. Провала удалось избежать. Первый лист начатой им рукописи не попал в злые руки. По всей вероятности, он успел засунуть его в карман уже в последний момент, когда сознание покидало его.

Оглядевшись по сторонам, Левушка понял, что с обедом

он действительно пролетел, но это ничуть не огорчило его. Никто из больных и обслуживающего персонала не заметил его отключения. Все просто посчитали, что Исаев, как всегда, решил отдохнуть в самое неподходящее время и не зло посмеивались над ним.

Достав рукопись, он попытался продолжить правку написанного: – ... исключение составляют только шпионы, которым по роду занятий и вверенной им судьбою профессией положено знать все, от Баха до Бляха. Общее предназначение этого эпического труда – помочь каждому индивиду, прочитавшему его, вскрыть хотя бы одну потайную ячейку своего сознания, что позволит homo sapiens достичь таки просветления и понимания смысла своего земного существования...

– Хренотень какая-то получается, – сказал вслух штандартенфюрер и крамольная мысль о том, что под писателя в России – этой холодной и голодной стране он никогда не сможет залегендироваться, сразу закралась в его голову.

Больной психиатрической больницы им. П.П. Кащенко и бывший заключенный Воркутинской зоны Лев Валерьянович Ко'зел (попрошу ставить ударение с этого места только на первый слог, ибо от психа можно ожидать всего); он же – Агент 007; он же – штандартенфюрер СД Макс Отто фон Штирлиц; он же – Левушка, как его любя называла его един-

ственная тетушка; он же – Лева Исаев, как уважительно за его знания и огромный запас информации стали называть его здесь больные и нянечки, сидя на своей кровати в позе полулотоса и затачивая зубами коротенький огрызок карандаша, одновременно как профессиональный разведчик, ощупывал взглядом все стоящие по близости тумбочки, с тем, чтобы вспомнить, используя глубоко развитый у него метод дедукции, – в какую из них он заложил «тайник» в виде газеты размещаемых объявлений – "Из рук в ноги", с нанесенными тайнописью на всех ее ста двадцати страницах шифрами. В это мгновение он, казалось, презирал весь мир, ибо мир был не достоин того, что в нем жил он – Великий комбинатор всех времен и народов, супершпион и неуловимый разведчик – полковник Максим Максимович Исаев.

– Ко'зел! – донеслось до него, – ты че оглох? К тебе пришли.

– Попрошу обращаться ко мне не иначе как господин фон Штирлиц, или же по званию, – с достоинством поднимая голову и разгибаясь в спине, ответил штандартенфюрер.

– Эй ты, штандарт, который с фюрером, иди уже, тебя тетка заждалась, мать твою..., – в сердцах выругалась Аська, одна из трех бессменно работающих в отделении уборщиц.

– Что с нее возьмешь! мАсква-а-а! Далекая провинция!

Боковым зрением Левушка увидел, что тетка прилипла

к вышедшему для проведения осмотра Главврачу, и решил продолжить поиск, используя случай.

Глава 33

Главврач, заметив Клавдию Ивановну, попытался улизнуть, но не тут-то было.

– Доктор, как мой Левушка?– запричитала она, хватая его за рукав халата.

– Осень-осень тяселый слусяй со Львом Валерьянысем, – вздохнул врач, – полная потеря памяти, налицо маниакально-депрессивная сисофрения.

– Слава богу, что не паранойя, – перекрестилась про себя Клавдия.

– Но, отягосенная какой-то неизвестной доселе агрессией, – как-будто прочитав ее мысли, поспешил грозно добавить Главный.

– А в чем выражается агрессия? – поинтересовалась любознательная тетка.

– Спорит.

– Как спорит?

– Не как, а с кем, я бы спросил, – поправил очки Главный и очень важно снизу вверх посмотрел на Ивановну. Он был почти на две головы ниже ее и поэтому все время пытался стоять на носках и подпрыгивал.

– На колени мне, что ль, опуститься, чтоб тебе удобно было, коротышка хренов, – не зло подумала родственница.

– С кем и как? Ведь он же не говорит уже вторую неделю? Как перевели к вам, так и молчит.

– Это он с Вами молсит, – надув щеки, важно сказал Главный, – а бес Вас спорит.

– Да с кем же спорит-то? – взмолилась тетушка.

– С собою и спорит.

– Не поняла?

– С собой, – повторил Главный, давая понять, что у него уже обход давно начался.

– Слава тебе господи, а я уж думала ..., – и тут тетя поняла, что в этой больнице ей лучше не думать вообще, – мысли считывают эскулапы, – догадалась она.

Главный согласно кивнул: – Да, представьте себе, на прошлой неделе каждый день бубнил: – Я не дам тебе спать, фрис проклятый! Ты у меня сдохнеш от бессоннисы!

– И что? Таки сдох? – вырвалось у тети Клавы, и она тут же прикрыла испуганно рот рукой.

Но главный сделал вид, будто ничего не заметил.

– И не спал всю неделю. Никакое снотворное не могло с ног сбить... А давали мы мно-о-о-го, – протянул он.

– Да уж, это вы можете, – мелькнуло опять в мозгах у

Клавдии Ивановны, – скольких уже загубили, мучители, – на глаза ее стала наворачиваться предательская слеза.

– И что? – спохватившись, еще раз спросила тетя.

– И н-и-с-е-г-о ... , как огурсик. Не ест, не спит уже вторую неделю и как огурсик.

– Так это ж хорошо, что как огурчик, – ткнула Главрача в бок тетка, отчего тот влетел в шкаф.

– Ой, извините, – опять прижала она руку к губам.

– Вот это-то, голубуска, и странно, – похлопал Ивановну по заднице Главный, делая вид, что выше не может достать (в силу разницы их роста).

– Так, может, я его заберу, раз он как огурчик, – робко спросила тетя.

– Рано, – отрезал Главный, – пока присмотрим, а там видно будет... кто кого, – протянул он, опять глядя на задницу Клавдии Ивановны. Видно было, что ему шлепок пришелся по душе, и он был бы не прочь повторить.

– Сам, по-моему, того... поехал крышей, – подумала тетя и поняла, что зря подумала.

Главный резко повернулся и, обиженно фыркая, направился к больным.

– Хотя не удивительно, всю жизнь в психушке, – вздохнула Клавдия и стала высматривать племянника.

Левушка же, успев отбить на журнальном листке с изображением обнаженной Памеллы Андерсон: 11–23; 58–13; 21–34; 55–89 – что буквально значило: с подробным отчетом от меня придет агент Фибоначчи, сделал из листа бумажного голубя и, незаметно открыв форточку, стремительно выбросил птицу «на волю».

Голубь, немного покружив между деревьев, упал прямо под ноги дворнику на только что подметенный им асфальт. Дворник первым делом хотел было сразу запустить в ответ трехэтажным матом, но потом, покрутив головой в разные стороны и никого не увидев, поднял бумажного голубя и направился с ним к мусорному ведру. Однако, рассмотрев на его крыльях голую бабу, разгладил лист, на автомате пробежал глазами по написанным на теле Андерсон цифрам и, аккуратно сложив в четверо, положил птицу в карман. Левушка удовлетворенно выдохнул и бодро зашагал навстречу тетушке.

Глава 34

– Как ты здесь, кровушка моя родная, – протянула певуче тетушка, как только Левушка приблизился к ней на расстояние, позволившее ей заграбастать племянника в свои огромные лапищи.

Исаев долго смотрел в одну точку, потом, вдруг, не здороваясь, сказал: – При всех расхождениих во взглядах между мной и моим земляком Артуриком, я не могу с ним не согласиться в одном, что у нас всех существует врожденное заблуждение, будто бы мы живем для того, чтобы быть счастливыми. И пока мы будем сохранять в себе это врожденное заблуждение, до тех пор мир будет казаться нам исполненным противоречий, – вместо приветствия выдал фразу Лев Валерьянович.

Клавдия Ивановна несколько опешила. Во-первых, она не сразу поняла о каком Артурике идет речь, хотя и слыла среди своих дамой начитанной и в области философии очень даже неплохо подготовленной. Во-вторых, Лева сегодня впервые заговорил с нею и довольно внятно и членораздельно, чего она уже, по правде сказать, и не ожидала. Ее даже не смутило то, что он не поприветствовал ее, а сразу начал с Артурика.

– Да что же за Артурик такой? – для простого дурика из Кащенко фраза, которой в нее запустил Левушка, была слишком возвышенной, – хотя здесь контингент еще тот, – подумала тетка, а вслух спросила: – Кормят-то как, Левушка? Я вот тут тебе принесла немножко..., – и она стала развязывать тормозок с едой.

Козел на еду даже не посмотрел, зато рядом с тетушкой сразу выстроилась очередь и психи, втихаря подмигивая Ис-аеву, сами, уже без его участия, начали делить харчи Левчика, то и дело заглядывая через плечо тетки и выкрикивая по очереди:

– Груши, пять штук. Кто? Записано. Курица, жаренная одна, но большая, хватит на троих! Кто? Помечено. Сок томатный в пакете пол-литра. Кому?

– Эх, под него бы еще двести грамм водочки, – донеслось до Клавдии Ивановны.

– Так, все, – грозно сказала Клавдия. – Сейчас я вам устрою обед с водочкой, – и, схватив в охапку сразу двоих больных, она вывалилась вместе с ними из комнаты посетителей. После чего вернувшись громко спросила: – Кто еще поесть хочет?

– Только свое, – ответил больной, который был ближе всех к Клавдии, указывая на принесенные ему кушания.

– Ну, вот и хорошо, – прорычала Ивановна, грозя кому-то пальцем через стекло закрытой ею же двери. – У, басурман турецкий, только попробуй, – были ее последние слова и она опять все внимание обратила на Левушку.

– Так, так. Кто ты говоришь? Артурчик? Какой Артурчик? Что вместе с тобой здесь лежит? Такой умный больной?

– Стыдно не узнавать моего соплеменника Артура Шопенгауэра по слогу, – холодно ответил Лев Валерьянович, даже не взглянув на тетю.

– Ах, да-да, конечно же, Шопенгауэр, – чуть покраснев, согласилась тетя. Ей стало очень стыдно, что она за этим панибратским выражением – Артурик не разглядела великого философа.

Исаев же, как бы ничего этого не замечая, продолжал: – Все человеческое существование достаточно ясно свидетельствует о том, что именно страдание – его подлинное предназначение. Вся жизнь человека глубоко объята страданием и не может освободиться от него. Страдание – это по истине процесс очищения, который в большинстве случаев только и освящает человека, возвращая его с ложного пути.

– Поэтому в назидательных христианских книгах и говорится о спасительной силе страданий, – подозрительно посмотрев на тетюшку продолжал Левушка, не обращая никакого внимания на еду и, уж тем более, на чавканье, раздающееся со всех сторон из-за того, что больные старались как можно больше съесть из принесенного им родственниками съестного, зная, что все оставшееся все-равно достанется обслуживающему персоналу и примкнувшей к ним блатоте.

– Кто бы спорил, кто бы спорил, – пропела тетка, пытаясь придвинуть поближе к Левушке курицу.

– Вот Вы, сударыня, – грозно обратился Лев Валерьянович к Клавдии Ивановне, – что думаете по этому поводу?

– Да какая же я тебе сударыня, – протянула тетка, – ты посмотри на меня внимательней.

– Нет уж, Вы не увиливайте от ответа.

Тетка вздохнула, почему-то вспомнила про движение по кругу (видно суждено нам по нему постоянно ползать) с последнего семинара Буддистов-адвентистов и проговорила: – Ну что ж, если ты про другое не хочешь, давай про твоего Артурика поговорим, хотя в этих вопросах я придерживаюсь взглядов неоплатоников и, если честно, то мне ближе их позиция.

В этот момент Жопке, наконец-то, удалось растолкать впавшего в оцепенение Языка, и она облегченно выдохнула. Фон Штирлиц сильно перднул.

– Ты че, уже совсем охренел, псих, – вскочил рядом с ним пожиравший своего поросенка здоровый детина. – Ты еще штаны сними и насри здесь. Он попытался своей засаленной рукой двинуть Левчика по морде, но кулак его был мгновенно перехвачен Клавдией Ивановной.

– Ну-ка остынь, остынь, – приговаривала она, нагибая ку-

лак к земле. Дитина сполз на пол и согнулся в три погибели.

– Вот настоящие русские сенсины, которые и коня на скаку одним ударом кулака уделают и горящая изба для них... так, только погреться, – хлопая опять по заднице Клавдию Ивановну процитировал по памяти классика Главврач, не весть откуда взявшийся.

– Эх, Клавдия Ивановна, Клавдия Ивановна, – сладко пропел он, – сли бы Вы ко мне работать весьню десурной сопой... весьню десурным са-ни-та-ром, – почти по слогам еще раз повторил Главный, прислушиваясь к своему голосу и не совсем понимая причину оговорки.

– Нет, уж лучше вы к нам, – только и успела ответить те-тушка, как увидела, как три дюжих помощника Главного, прямо таки выталкивают всех прибывших на свидание из комнаты посетителей.

– Ваше время истекло, – доносилось откуда-то из стены.

Клавдия на всякий случай решила не оставлять никаких продуктов Левчику, сказав, что через три дня она придет пораньше и тогда они смогут подробно поговорить об учении Шопенгауэра.

Глава 35

Перед тем как приступить к перезагрузке Навигатора и подготовке его к выполнению сверхсложной задачи: вернуть-

ся в уже запеленгованный объект №1 и, управляя последним, вывести Крошку Кэт на объект № 2, где по ее мнению должны были находиться остальные члены экипажа, Кэт решила прокрутить всю цепь событий. Просто так терять свою энергию она не любила.

Пока Крошка еще не знала, что она будет делать дальше. Для нее сейчас было важно выйти на второй объект, ибо разделение, как она уже поняла, было не случайным.

Но не успела Кэт обдумать свой план, как внутренний импульс подсказал ей, что ее кто-то зовет. Прислушавшись, Крошка уловила волновую вибрацию своей бабушки.

– Ты стала невнимательной, Катюша, – сказала ей бабушка. – Ведь я тебе уже давала подсказку относительно «камня», когда дело касалось интересующей тебя планеты. Ты увидела себя в виде облака и даже не задумалась, откуда это видение. А ведь, если было видение, значит, это с тобой уже было когда-то.

– Но ведь было же все ясно, – пыталась возражать маленькая Черная дыра, хотя, это было против ее принципов. Она никогда не позволяла себе спорить с бабушкой.

– Ясно, да не совсем. Даже мне в тот момент еще не все было ясно, – тихо сказала бабушка, – да и теперь...

– Но одно я тебе могу сказать уже определенно: информа-

ция, которую ты приняла в тот день от Ноосферы этой маленькой планеты и моя подсказка тебе – это все звенья одной цепи.

– Что-то я не совсем пойму, о какой цепи сейчас идет речь, – опять не выдержала Кэт, уж очень ее сейчас разбирало любопытство.

– Не перебивай, всему свое время, – назидательно сказала бабушка и Кэт поняла, что разговор будет долгий и очень серьезный.

– Неужели я была на этой планете? – вырвалось у нее.

– И ты была, и я была, и твоя мама тоже, – вздохнула бабушка. – Все дело в том, что хоть ты и считаешь себя Воином Тьмы, тем не менее, в абсолюте ты есть частичка Воина Света.

– Вот так вот, – только и смогла выдавить из себя Крошка.

– Мне жаль, Катюша, что я должна тебе об этом говорить так поздно, но, поверь мне на слово, раньше этого делать было никак нельзя, прежде всего, в целях твоей безопасности. Если бы с тобой что-то произошло, я бы себе этого никогда не простила.

– Твоя мать просила меня помочь тебе избежать той ошибки, из-за которой ее сейчас нет с нами рядом. И сейчас настал черед рассказать тебе все по порядку, – сказала ста-

рая Черная дыра.

– Запомни, моя радость, эти мои слова. Ты сама, не зная того, все это время являлась частью Воина Света. Но не простого Воина Света, а Безупречного.

– Когда-то давным-давно, задолго до твоего рождения, все мы жили в зоне Абсолютного Порядка и Добра. Никто даже и представить себе не мог в то время, что в мире могут существовать Зло, Корысть, Ложь, Обман, Зависть, Властолюбие, Ненависть, Пустословие и другие пороки. Но наступил день, когда наша Добродетель, потеряв всякую осторожность, сослужила нам злую услугу и пропустила в наш лагерь маленький и совсем, казалось бы, безобидный порок.

– Один из нас предпочел чувственное, созерцательному. Причем, это случилось всего один раз. Он тут же был уличен в этом и публично обвинен. Но наша доброта не знала границ, и мы простили его, не придав большого значения произошедшему и оставив этот случай без особого внимания, что, как потом оказалось, категорически нельзя было делать.

– Этот маленький росточек пустил свои корешки. Оказалось, что этот порок был нам искусно подброшен противоположной стороной, Злом в Абсолюте. Но когда мы это поняли, было уже поздно. Это и явилось для нас маленькой бомбой замедленного действия. Мы были втянуты в цепную

реакцию и многие лучшие из нас погибли уже в начальный период, пытаясь ценой своих жизней нейтрализовать проникшее в наш стан Зло, но все было тщетно. Зло разрасталось с невероятной быстротой, мы стали терять не только своих лучших Воинов, но и свое пространство, и уже какое бы Добро мы не совершали, оно неминуемо, в конечном итоге, оборачивалось для нас Злом.

– И тогда твой прадед, мой отец сказал нам: – Мы должны временно разделиться. В нашем стане оказался враг. Он хитрее, а значит сильнее нас. Если мы, получив пощечину по одной щеке, будем, по-прежнему, подставлять другую, а не научимся себя защищать, то дни наши будут сочтены. Рано или поздно мы будем все уничтожены. Поэтому мы уже сейчас должны начать воспитывать из наших детей не просто Воинов, а Супер воинов. Их основной задачей будет проникновение в лагерь Зла и выдавливание последнего с отобранных у нас территорий. Именно выдавливание, а не уничтожение. Ибо любое уничтожение Зла порождает неминуемо еще большее Зло, и, уничтожая его, мы только способствуем его могуществу и расползанию в пространстве.

– Для решения этой архиважной задачи мы должны были разделиться. Часть из нас – наиболее подготовленные взяли на себя решение наиболее сложных задач и вступили в открытое противоборство со Злом. Другие по-прежнему нес-

ли свое Добро, чтобы мы не забыли его истинной ценности, иначе реальные границы Добра оказались бы стерты, и мы уже никогда не смогли бы отделить зерна от плевел.

– Таким образом, и было проведено деление на два легиона. Причем, эта крохотная планета, за которую ты сейчас зацепилась как раз и находится в области незримой границы этого деления в Зоне Организованного Хаоса. Деление было делом добровольным. Но твои родители были мужественными воинами, поэтому они без колебаний выбрали себе максимально трудный путь и ушли с легионом в стан Тьмы, что обрекло их на полную секретность. Их задачей было – опустившись на самое дно этого царства Хаоса, вытащить оттуда все родственные нам души и вернуться в наш лагерь.

– К сожалению, никто из миссионеров не смог сохранить себя, и лишь ценой невероятных усилий (считалось, что это был один шанс из миллиона) назад, в Зону О-Ха, именно в район этой голубой планеты, и была выведена ты и еще один мальчуган. Его судьба мне неизвестна, так как родители его, так же как и твои, не вернулись из похода, и он был взят на воспитание Попечительским Советом Старейшин.

– По моему глубокому убеждению, спастись вам удалось по той простой причине, что родители смогли сделать вас такими, что у вас все было, практически, шиворот-навыво-

рот. Сплошное зазеркалье. Вы единственные оказались не рассекреченными и вернулись из похода. Так или иначе, но после этого пути ваши разошлись, и каждый из вас воспитывался в строжайшем секрете, так как информационное поле, которым я обладала, сообщало мне, что на вас возложена исключительная миссия. Я не знала, как и когда мне будет указано сообщить тебе об этом, но ты сама форсировала события и вышла к барьеру, за который мне уже хода нет, и я не могу отпустить тебя туда без этих знаний. С этого момента принятие последнего решения всегда будет зависеть только от тебя.

– Помни об одном, Катюша, – как-то грустно сказала бабушка. – Ты часть Безупречного воина, но вернуться в свой дом ты сможешь только в том случае, если тебе удастся найти того мальчугана и объединить с ним свои усилия. Только вдвоем вы сможете подняться до прежних наших координат и выполнить до конца свою миссию.

– Я знаю только одно, никому до тебя не удавалось это сделать. Твои родители добровольно пожертвовали собой, чтобы этой частицей Безупречного Воина стала именно ты.

– Постарайся, моя девочка. Будь внимательна, не доверяй разуму, а доверяй только сердцу, оно тебя не должно подвести.

Это были последние слова старой милой бабушки, ко-

тору ю Кэт любила больше всех на свете. После этих слов большое белое пятно перед ней начало медленно таять, пока не превратилось в маленькую черную точку, резко ушедшую за линию горизонта со словами:– Прощай, моя маленькая, и сделай это.

Глава 36

Маленькой Черной дыре стало тоскливо. Она поняла, что осталась здесь совсем одна и никто и никогда в этом мире больше не обласкает ее и не скажет ей доброе слово.

– А если я не справлюсь с этой своей миссией? Значит, тогда ни мать, ни отец, ни бабушка никогда не смогут вернуться в свой дом, и их души навсегда завязнут в этих сырых и гнилых пространствах? – сверлила ее сознание мысль.

Но Кэт не позволила этим настроениям надолго задерживаться в себе.

– Может быть, уже сейчас на этой самой планете я взялась за ниточку, которая выведет меня к искомому результату? – подумала она.

Главное было то, что она сейчас четко представляла свое положение и свое движение в Макрокосме. Период в пятьдесят земных лет являлся, как она считала, удачным забросом.

– Копать, в общем-то, не так уж и много, – начала было размышлять Крошка, как, вдруг, в левом полушарии у

нее зазвучала песня: – Мне копать траншею велено, я копаю словно раб, те за Сталина, за Гитлера, я за всех советских баб...

Кэт, которая уже прочно подключилась к информационному полю Земли, вначале хотела пропустить мимо ушей эти слова, как лишнюю информация, но голос отца откуда-то снизу тихо произнес: – В разведке, Катюша, лишней информации не бывает.

– Баб любит, – рассмеявшись, догадалась Кэт. – А кто? – спросила она в надежде вновь услышать отца, но пространство сурово молчало.

– Все ясно, – Кэт сразу повеселела. – Значит, все они рядом со мной, но они будут помогать мне только в самых исключительных случаях, чтобы выводить меня на правильный путь. На душе стало сразу спокойнее. Она почувствовала, что не одна и ей захотелось немедленно приступить к работе. Первое, что Крошка поняла, было то, что это уже совсем не Игра или, если и Игра, то ставки в ней очень высоки.

Второе, она не одна, хотя решения в большинстве случаев придется принимать ей самой. Кэт уже сейчас чувствовала, что это будут совсем не простые решения.

– Получается, что я в одиночку не смогу выбраться из этого дерьма, – пыталась рассуждать Черная дыра, но мысли у нее сейчас кружились веером, и вся информация про-

сто не умещалась в верхних слоях. Она, как огромный оползень, опускалась все ниже и ниже, заняв всю витальную зону и вплотную приблизившись к физической, откуда быстрого поднятия ее назад в духовную область ожидать не следовало.

– Много информации тоже не всегда хорошо, – вырвалось у нее в надежде, что отец снова услышит ее и ответит, но пространство безмолвствовало.

Наступали критические минуты. Информация проносилась в сознании с быстротой света. Черная дыра, вдруг, почувствовала, что от напряжения начала медленно увеличиваться в размерах, а изнутри стал доноситься какой-то предательский писк. Крошка собрала все свои силы и громыхнула, что было мочи: – Стоять, Казбек!

Раздался мощный взрыв. Движение прекратилось. Оглянувшись, Кэт поняла, что взорвалась Эпидерсия, которая в этот момент непонятно по какой причине оказалась совсем рядом.

– Может, почувствовала мое критическое состояние и решила оказать мне помощь? – первое, что пришло в голову Кэт.

– Хотя с какой стати Эпидерсии понадобилось оказывать мне помощь?

На самом деле, внутреннее напряжение и изданный Крошкой сигнал тревоги были настолько сильны, что еще

три или четыре черных дыры, потеряв всю свою гравитацию, в ужасе съехали в другие измерения.

– Умерла, так умерла, – подумала Кэт, глядя как стремительно расширяется, теряя прежнюю черноту и плотность, Эпидерсия.

Суровость и решительность с которой Кэт иногда принимала решения, никак не вязалась сейчас у нее с тем, что она только что узнала от бабушки. Она всегда считала себя очень жесткой и не могла даже предположить, что миссия ее заключается в освобождении Добра от всепожирающего и расползающегося по всей Вселенной Зла.

Она еще не знала, что «случайный» взрыв Эпидерсии (виновником которого, а в дальнейшем и Наблюдателем за всем происходящим в этом уголке Макрокосма, была только она) был совсем не случаен, а явился одним из звеньев той цепи, которую ей еще предстояло распутать.

Глава 37

После ухода тетушки Исаев, так и не притронувшись ни к чему, уселся с демонстративным видом на своей кровати. Больные, находящиеся рядом, посмеивались: – Опять Исай плоть истязает, – не зло шутили они. – Наверное, у него великий пост!

– Ага, очень великий, уже вторую неделю ничего не жрет!

– Бойкотирует!

– Ну, только кого непонятно!

На самом деле Лев Валерьянович поступал очень разумно и продуманно. Являясь по своей натуре человеком очень активным (за что и попадал уже два раза на зону) и любознательным, он знал из рассказов своих старших товарищей и прочитанной научной литературы о таком феномене, как посещение сознания Космическим Разумом.

В этот момент, по его пониманию, обязательно должно происходить видимое, или по крайней мере осязаемое изнутри отделение души от тела, естественно, при сохранении между ними связи и продолжении земной жизни.

То, что отделение души от тела происходит после смерти, Левушка знал еще в десятом классе, потому как слыл школьником добропорядочным и учился, практически, на одни пятерки.

Возможность же при первом посещении психбольницы (тогда он умело инсценировал душевнобольного, что позволило ему избежать лишения свободы сроком на пять лет) ознакомиться с трудами великого индийского философа – Шри Ауру Биндо убедила его в том, что каждый из нас завязан на Космос и каждого может посетить Космический Разум.

Другое дело, что последствия такого посещения не совсем устраивали Левушку, так как, как правило, эти люди либо скоропостижно умирали, либо доживали свои дни в психушках.

И вот сейчас, как он полагал, у него был именно такой случай. Он не сомневался, что из психушки его рано или поздно выпустят, как не сомневался и в том, что с психикой у него все о'кей. То что говорил Главный, или что думали окружающие, глядя на его поведение, ему было по барабану.

Он знал уже почти наверняка, что с ним произошел именно тот случай, когда Космический Разум посещает человеческое со знанием. Правда, у индуса говорилось, что обязательно молчаливое сознание и необязательно человеческое.

Лев Валерьянович никогда не был человеком молчаливым, и даже наоборот: при последних своих коммерческих сделках ему удавалось так виртуозно разводить своих партнеров за счет одного только умения красиво говорить, что он скорее относился к категории людей очень говорливых.

Но еще раз оговоримся – это Козела совсем не смущало. Он понял, что именно в нем находится этот самый Космический Разум. Лев четко и ясно слышал голоса внутри себя и не собирался с ним расставаться.

Последний подслушанный им разговор (ему тогда удалось притвориться спящим) дал ему возможность понять, что без дополнительной энергетической подпитки, «залетным», как он сразу стал их называть, уже не удастся покинуть его тело. И вот Левушка решил, что вот этой самой подпитки-то, он им и не предоставит.

Теперь все было в его руках. Кстати, себя он чувствовал на удивление отлично, хотя уже некоторые сутки кряду не брал в рот ни крошки, если не считать кефира, который он пил исключительно по вечерам. Разуму, конечно, от кефира толку было мало, а вот организм свой он таким образом вдохновлял.

Время от времени Левушка громко спрашивал: – Ну, что, фриц (почему-то ему нравилось именно это обращение) – ты живой еще там? – но Космический разум и второй с ним упорно молчали. Вот и сейчас, придя из комнаты посетителей и так и не притронувшись к еде, Исаев бухнулся на кровать и спросил:– Ты живой еще?

Вопрос был как всегда риторический, но к удивлению Левушки он, вдруг, услышал злобный голос, где-то внутри себя: – Мог бы, Козе'л, хоть гроздь винограда или грушку съесть. Нам бы сейчас глюкоза совсем не помешала, но, похоже, ты совсем решил заморить нас голодом.

– Ладненько, – повеселел Левушка, не обращая внимания

на то, что в слове Козел стояло обидное ударение, – я понял, что ты, наконец-то, созрел для того, чтобы со мной поговорить! Да?

В ответ он услышал другой, как ему показалось, заспанный голос: – Напрасно ты, Язык, с ним начал бакланить. Он ничего толкового не скажет все равно. Так или иначе, чтобы отсюда уйти, придется ждать, когда он кони бросит. Я только вот никак не могу взять в толк: куда делись САМ с Мозгом, и почему это нам с тобой досталось такое грёбаное тело.

– Это кто кони бросит? – возмутился Исаев. – Ты кто такой? Первый, я понял, Языком зовется. Он и есть Разум. А тебя как величать? – напористо спросил Левушка, понимая, что это сражение он выиграл и теперь ему будет открыт доступ в величайшие тайны Вселенной, ну уж снятие крупных сумм со счетов в западных банках – это точно плевое дело.

– Зови меня просто – Жопка, – опять зевнув, ответил второй. Видно было, что ему затея с этим контактом совсем не по душе.

– Ладно, Жоп, – опять сказал Первый, – че бойкотировать-то. САМ неизвестно где и неизвестно найдет он нас или нет. Мы, как видишь, в полной заднице. Так уж, хоть, пожить пока здесь по-человечески, – примирительно сказал Язык, которому очень понравилось, что его приняли за сам Разум.

Фон Штирлиц рассмеялся и от предвкушения своей скорой победы начал лежать на кровати выделывать ногами разные кренделя, то и дело подпрыгивая и переворачиваясь. Двум больным, находящимся с ним в одной палате, показалось, что у него новый приступ шизофрении, но так как Левушка слыл больным не буйным, за санитарам из них никто не побежал, продолжив разыгрывать на шахматной доске любимый ими чапаевский гамбит.

Чтобы не смущать игроков и спокойно принять решение, Лев Валерьяныч, еще раз посмотрев на шахматную доску и определив, что там у белых явный перевес (пять пешек и конь против четырех черных ферзей) отошел к окну и тихо спросил: – Ну что, поговорим на берегу?

– Не понял, – встрепенулся Язык. – На каком еще берегу? Вроде нет пока никакого потопа? Или я тут не все вижу у вас?

– Ты что, братишка, не местный? – спросил Козел.

– Да уж, не из местных мы, – вставила Жопка, – слава Богу.

– А че ты сразу Бога славишь? Я, между прочим, атеист, чтоб вы знали. Хотя вот, может быть, сейчас с вами общаюсь, и буду верить в существование этого самого Бога.

– Ты какого имеешь в виду, – не удержался Язык, но Ле-

вушка пропустил его замечание мимо ушей.

– Так, значит, вы решили посетить именно мое сознание. Я правильно вас понял: Язык – это Космический Разум или проще говоря – Дух, Жопка – это моя душа или, по-другому, я сам, только во всех предыдущих моих жизнях, и я – это я теперешний, в своем брэнном теле?

– Ишь, че захотел, – прошипела Жопа, – чтоб я Душой его была. Это не душа, а вражья черная дыра какая-то. Да из этой черноты просто выхода нет. Пускай другую дуру себе поищет эдак еще, я думаю, лет сто.

– Ну, в общем, так, – кивнул Язык, как ни в чем не бывало.

Жопа с силой ущипнула его, но он только подмигнул ей, мол, не мешай, все будет тип-топ. Пауза и так затянулась на целые две недели, и по всему помощи было ждать не откуда.

– Хорошо, – дружелюбно улыбнулся Исаев, – так даже удобнее. Ну, ладно разборки в сторону, теперь о деле. Расскажите цель вашей миссии и при чем здесь я, что б я все сразу понял, а уж потом я вам выдвину свои условия.

Жопка опять ущипнула Языка, мол, давай ты же у нас специалист по сказкам.

– Ну, если не слишком глубоко копать, – начал сказочник Язык.

– Нет уж, ты давай глубоко и по порядку, – перебил его Козел. – Мне сейчас спешить некуда.

– Как скажешь, – нисколько не смутился Язык. Он был настоящим профессионалом своего дела и сбить его с толку было не просто.

Для начала ему как профессионалу хотелось все же узнать, с кем они имеют дело. Кто же на самом деле Лев Валерьянович? Он помнил, что САМ вскользь намекал ему, что для них важно зацепиться именно за русского.

– Может их оказалось двое, а мы не смогли точно вычислить – ху есть ху, поэтому и разъехались с САМом, – мелькнула у него мысль.

– Так вот, если глубоко и по порядку, то начну с того, что наша миссия заключается в том, чтобы определить на этой планете ее пуповину, то есть ключевую на настоящий момент страну, а в ней истинного патриота, который, по всему, должен быть очень и очень законспирированным.

– Этой страной явилась Россия, а патриотом соответственно Вы, сударь, – подытожил Язык, который, когда хотел, умел передавать самую суть буквально в двух словах.

– Очень неплохо начал, – согласился Левушка, – даже заинтриговал. Вот только русским патриотом меня назвать нельзя, я бы даже себя патриотом-россиянином и то не рискнул назвать, – как-то через-чур задумчиво сказал он.

– А кто же ты тогда? – вырвалось у Жопки.

– Еврей я, ребята, еврей, – криво усмехнулся Лев Валерьяныч.

– Как еврей? – у Языка выпал от удивления язык.

– Вот так вот, еврей, самый что ни на есть чистокровный по маме, так сказать.

– А как же ты на этом далеком севере оказался? Там ведь отродясь евреев не было, – бросила Жопка.

– Все течет, все изменяется, – пробасил Исаев, думая в этот момент почему-то про своего земляка Абдралмовича (вот кому с Севером-то подфартило).

– Неувязочка у меня маленькая вышла, вот и заехал в места не столь отдаленные, – тихо прошипел Лева, так как увидел, что в его сторону движется с грозным видом Аська, волоча за собой здоровенную швабру.

Глава 38

Уборщица жилых помещений Аська славилась скверным характером и встречаться с ней Лева совсем не хотелось особенно, когда она была во всеоружии.

– Ты че здесь делаешь, Козел? – обидно спросила она.

– Мастурбирую, – зло улыбнулся Лев Валерьяныч.

– Ну, и слава Богу, – примирительно сказала Аська. – А то я уж думала, опять в палатях курить начали. Вроде дымом несет, а?

– Это у тебя подсобка горит, – брякнул фон Штирлиц.

– Ой-ой, беда, беда, – заорала было Аська, но вовремя очухалась и набросилась на Левушку.

– Че, совсем сдурел, псих? Какая подсобка? Третий этаж. Где мы и где она? Полуумок. Ща как дам шваброй по морде, сразу мозги вернутся, и лечение не нужно будет.

– А ты не задавай дурных вопросов, – на всякий случай отодвигаясь, засмеялся Исаев.

– Все уже из-за этих асфальтеров насквозь провоняло, – он кивнул на улицу, где уже второй день не покладая рук трудилась бригада асфальтоукладчиков, – а она только дымок почуяла.

– Ладно, живи пока, – примирительно сказала Аська и пошла из палаты.

– И впрямь асфальт укладывают, – подумала уборщица. – Откуда взялись? Вроде, пять минут назад еще не было здесь, а уже полдвора закатали.

На самом деле все было гораздо проще. Многие люди, живя в одно и то же время и даже в одном и том же дворе, тем не менее живут в разных измерениях, сами того не зная. Они могут ходить друг возле друга, не замечая этого, пока им на это не укажут.

Вот и сейчас произошел тот самый случай, и не укажи

Исаев на рабочих, Аська так и не увидела бы их. А потом всю осень ходила бы и удивлялась, откуда здесь новый асфальт появился? Прямо, как в сказке. Но это отдельная тема и полное ее описание еще впереди.

Глава 39

А все это время, пока Лев вел переговоры с опасным собеседником, вооруженным мерзкой шваброй, Язык просчитывал ситуацию. Последнее, что он узнал, резко меняло дело и говорило ему о том, что их полет с Жопкой ушел с намеченной траектории, и они попали совсем не туда, куда надо, а значит и скорый выход для них тем самым оказался заказан, тем более, что ему уже приходилось встречаться с евреями, хотя в этой части космоса они оказались впервые.

Этого-то добра было в космосе полно везде. И где бы они раньше не работали, в каких бы удаленных уголках Космоса не летали по приказу Крошки Кэт, они, практически, всегда встречались с этим словом – еврей.

– Тоже миссию какую-то выполняют, – последнее, что успел подумать Язык, прежде чем Левушка снова вернулся к их разговору.

– Итак, – начал Валерьянович, явно показывая, что пора продолжить прерванный рассказ.

– Итак, – повторил Язык задумчиво, понимая, что надо

сменить пластинку.

– Итак, – сказал он еще раз, – если не отвлекаться на частности, а кто ты это частность, которая не имеет никакого отношения к нашей миссии...

– Если бы не имела, вы бы в меня не влетели, – опять перебил его Козел, широко улыбаясь. Он уже понял, что совсем не случайно его происхождение вызвало такую реакцию новых друзей.

– Видимо, моя причастность к моей исторической Родине имеет куда более глубокие корни, чем я сам об этом знаю, – подумал он.

Но Язык уже определился с темой и не дал ему продолжить его размышления.

– Напомни мне, пожалуйста, семь чудес света вашей планеты, – он помнил по прошлым встречам с евреями, что те всегда обладали очень большим объемом информации.

– Статуи Гелиоса Родосского и Зевса, усыпальница царя Мавсола, Александрийский маяк, сады Семирамиды, Египетские пирамиды, – съехидничал Козел, – и это..., как его, седьмое ...

– Точно еврей, – подумал Язык, – информацией обладает не всей до конца, но как всегда больше чем достаточно.

– Причиной всему, – громко продолжил Язык, сконцен-

трировав свои мысли, – является апогея периодов развития человечества.

– Подожди, а как же седьмое чудо света? Подскажи!

– Да плюнь ты на него, я и первых-то шести не знал, – засмеялся Язык, – слушай сюда.

– Каждый период человеческой цивилизации имеет свой точно установленный историей апогей. Апогеи периодов известных цивилизаций имели место в своей эпохе, когда вековой полюс переходил в столицу или, точнее, в центр владений народа лидера.

– Такими центрами цивилизаций у вас являлись: Вавилон во времена правления Семирамиды две тысячи лет до Рождества Христова; Египет времен Фивы, за пятнадцать веков до нового летоисчисления; ваше, между прочим, еврейское государство времен Соломона со столицей в Иерусалиме, – ткнул он изнутри Козела (тот подпрыгнул), – значит, чувствует, – удовлетворенно отметил Язык. – Греческий расцвет времен Перикла; Римское владычество разных времен и Французское – времен Людовика тринадцатого и четырнадцатого, – подытожил он.

– На протяжении же всего девятнадцатого и двадцатого столетия протекала упорная борьба и перетягивание полюса правления на свою сторону. Вначале в этой борьбе участвовали Россия и Франция, не захотевшая первой расставаться

с ним добровольно, затем Германия и Советский Союз. После победы последнего во Второй мировой войне полюс, казалось бы, уже перешел в Москву. Но, увы, все это оказалось очень временно.

– Сразу резко активизировалась Америка и борьба между ними разгорелась с новой силой, – Язык опять ткнул изнутри Леву, но в этот раз тот не отреагировал. – По-разному, значит, до него доходит, – подумал Язык.

– Так вот, Америке удалось оттянуть полюс на нейтральную территорию, а затем и вообще перетянуть на свою, – закончил Язык.

– И вот сейчас, когда все считают, что Америка выиграла эту драматическую битву и является полновластной хозяйкой положения на этой планете, на самом деле она находится в движении в сторону глубокой задницы. А все это необходимо лишь для того, чтобы дать возможность России окрепнуть и набраться сил перед новыми важными битвами, – сделал вывод Исаев.

– Ты смотри, соображает, – улыбнулась Жопка, которая до этого времени молчала и пристально, как психолог, наблюдала за реакцией Левы. – Слышь, штандарт, давай уже сходи, поужинай. А то я скоро из-за тебя сама травку начну щипать.

– Да-да, – поддержал ее Язык, – пора на ужин, далее рас-

сказывать без подпитки отказываюсь, – запротестовал он.

– Ладно, – Исаев и сам уже заметил, что Аська машет ему вопросительно черпаком: отдавать его порцию, или он идет ужинать.

– Ладно, – повторил он, – сегодня вы заслужили хавку. Продолжим после трапезы. И фон Штирлиц в развалку направился в столовую.

– Все, пацаны, – сказал здоровенный больной, проглотив слюни, – сегодня ночью Сатурн налетит всей своей массой на Юпитер, Исаев жрать идет.

Глава 40

Проснувшись, Анатолий долго смотрел на закопченный потолок избушки не в состоянии вспомнить, что же такое вчера с ними произошло. Водка делала свое дело. Яркие воспоминания напрочь стерлись из сознания дядьки, а вместе с ними исчез и вчерашний страх. Ему, вдруг, страшно не захотелось возвращаться домой пустым. Как объяснить всем столь раннее возвращение с рыбалки, да к тому же еще и без рыбы, он не знал. Соломоново решение подсказал Борода.

– Слышь, Анатолий, – он почему-то называл дядьку на французский манер, а может у него это было обычным сокращением длинного слова, что татарин в своей речи использовал довольно часто.

– Слышь, Анатолий, – повторил он еще раз, видя, что последний не среагировал на его обращение.

Дядя вышел из своего оцепенения и, нехотя развернувшись в его сторону, кивнул: – Ну?

– Баранов мну. Че, говорю, с харчами-то домой идти и тем более без рыбы.

Здесь Борода глянул на Санька: – Вон от племяша все девки за такую рыбалку отвернутся, даже ранение не поможет, – он скосил свои маленькие с постоянным прищуром азиатские глазки на забинтованную руку Санька.

Похоже, с ней было все в порядке. Наложенный на свежую рану подорожник и пропитанный мочой бинт не дали ей загноиться. Рука чувствовала себя довольно комфортно и создавала впечатление вполне рабочей.

– Вот я и говорю, здесь все-равно уже не рыбалка. Ну, разве только если смерти себе искать, а вот на моем стане можно рыбки взять за два денька сполна. Не стыдно будет домой возвращаться.

В поселке у них, кстати, была традиция: при встрече каждый считал своим долгом спросить, сколько взяли? При чем этот вопрос относился не к килограммам. Больше двух пудов из тайги все равно не вытащишь в одиночку, да и не надо это. Рыбу в поселке никто не продавал, а себе и род-

ственникам, если зайдут, этого было достаточно вполне.

Это относилось, исключительно, к щукам. Причем щукой считалась всякая, от мала до велика, не важно как пойманная, главное – хищник! И вот было престижно поймать их поболее. Сейчас же у рыбаков имелось всего две небольших травяночки, пойманные еще в первое утро. Это был настоящий позор. Ну, возвращаться с семью, ну с шестью, еще куда ни шло. Но две! Это был верх неприличия.

Анатолий напрягся. Смена своего решения всегда давалась ему с трудом, но и не поменять, значит, опозорить и себя и племяша перед всем поселком. Борода прочувствовал этот момент по-своему и, развязав мешок, ловко выхватил припасенную для таких случаев маленькую.

– На ко, всприсни не веселья ради, а исключительно здоровья для. Только половинку, – предупредил он. – Мне еще на этом лекарстве три дня держаться. Зуб, зараза, совсем замучил, – обращаясь почему-то к Саньку, и прижимая руку к щеке, сказал он. – Вырвать его что ль? А? Как думаешь?

– Лишний вырви, – ответил пацан, – я вообще-то не стоматолог.

– Ты не он, – согласился Борода (слово стоматолог он не рискнул повторять слишком мудреное), – но уж очень ты, я смотрю, умный. Лишние – это у тебя. Он, смотри, полный

ротешник, а у меня каждый корень на счету, – недовольно пробурчал он. – Ты книжку-то прочитал? А то, давай, возвращай.

– Ты че? – изумился Саня и скосил глаз на дядьку. Борода тут же понял, что не туда он направил сейчас свое внимание.

– Ну, все-все, Анатолий, и так уже лишку дернул.

– Что скажешь, племяш? – оторвавшись от бутылки, спросил дядька. – Как скажешь, так и будет.

– Так вот только не все сразу, я ж не Фигаро. Вначале тебе, – Санек повернул голову в сторону Бороды. – Где ты видывал, что б такие толстенные книги читали за один день? Он показал большим и указательным пальцем примерную толщину книги, увеличив ее почти вдвое (не приукрасишь – историю не расскажешь).

– А теперь тебе мой ответ, – пацан чуть кивнул головой в сторону размякшего и подобревшего дядьки. – Ты, дядь Толь, я смотрю, как на грудь примешь, так хоть с Чудо-Юдом готов сражаться?

– Ты давай коротко и по делу. Да или нет? – недовольно пробасил дядька. – Как скажешь, так и будет.

– Скажу да, потому как по прочитанному у меня к этому знатоку Тибета, – Саня кивнул в сторону Бороды, – есть па-

рочка вопросов, да и без щук возвращаться неохота.

– Любой вопрос, любой ответ, – весело пропел Борода. Ему были по душе эти простые на первый взгляд, но совсем не относящиеся к разряду простаков Анатолий и его племянш. Восточная интуиция татарина подсказывала ему, неспроста в этот час оказались они на озере рядом с ним, и ему очень не хотелось вот так вот просто с ними расстаться.

– Решено, – сказали все трое одновременно, переглянулись и громко засмеялись (желание же про себя догадался загадать только один из них).

Ветер совсем стих. Солнце спряталось. Над все тайгой лег небольшой туман, что было на руку рыбакам, так как ходить в тайге по жаре, да еще с рассолом на спине, было делом не совсем веселым.

Глава 41

Не прошло и двух часов как рыбаки уже были на «Глубоком» в любимой избушке Бороды. Эту избушку Борода рубил сам, и, практически, она и была его домом. Он редко кому разрешал в ней останавливаться, что, кстати, являлось грубейшим нарушением таежных правил, но татарину эту прихоть прощали. Во-первых, потому что он жил там десять месяцев в году. А, во-вторых, еще и по тому, что в отличие от «Мелкого» и других небольших озер, которых здесь в округе было немерено, «Глубокое» было озером просто огромным

и таких избушек на нем было до десятка.

По своим размерам оно лишь немногим уступало всемирно известному венгерскому озеру «Балатон». О последнем Санек прочитал в журнале "Вокруг света". Правда, «Балатон» затягивался камышом, практически, со всех сторон, «Глубокое» же только с севера. Однако, темпы его затягивания были явно больше, потому как это был стихийный, сугубо природный процесс, и человек не хотел, да и не мог бы ему помешать или воспрепятствовать.

– Пряма как озера-побратимы, – глядя на «Глубокое» подумалось сейчас Саньку. – Интересно, кто из них первым прекратит свое существование.

– Не дождетесь, – донеслось до него с водной глади.

– Какие здесь звуки, – подумал парень. – Совсем другая вода, не то что на «Мелком».

Именно в том месте, где стояла избушка Бороды, озеро активно затягивалось, превращаясь в непроходимое болото. Место это Борода выбрал не случайно. Трудные подступы с воды, а она окружала мысок со строением с трех сторон, не давали возможности кому бы то ни было подойти к избушке незамеченным. В принципе, подход мог быть осуществлен только с одной стороны. Уходить же Борода мог куда угодно, и уже через пятьдесят шагов, практически, был незаметен и

недосягаем.

– Не каждый рискнет шагнуть в эту топь, даже если будет знать, куда за ним надо идти, – подумал парень. – Вот так вот непойманным и остался. Хитер татарин, нечего сказать.

– Ну, вы тут готовьте костер, картошку, лучок, лаврушку, а я пойду свежачок сниму. Думаю пара-тройка щук уже сидят, – быстро как из пулемета прострекотал Борода, забирая из кустов припрятанные весла и показывая какого размера должны быть щуки.

– Смотри, не донесешь, – пошутил Саня.

– Давай, сынок, делай костер и поменьше разговаривай, – услышал пацан в ответ.

– По-моему, суеверен, зря брякнул под руку, – подумал Саня. – Ну да черт с ним!

– Место тут у меня такое: только поставил самоловку – через час она уже там сидит, тебя дожидается, а я еще перед уходом все снасти освежил, сейчас только сымай! – просопел татарин.

– Место тут гнилое, – опять вставил Саня, глядя на затягивающий со всех сторон воду мох. – С берега точно не порыбалить, а лодчонка у тебя на одного, че делать-то будем?

– А зачем тебе рыбалить, сиди, читай книжку. Набирайся ума-разума, может и впрямь разведчиком станешь. Без рыбы

не уйдете, коль к Бараде приехали, – было последнее, что слышали рыбаки.

– Станешь, не станешь, – пробурчал недовольно пацан, видя, что у татарина совсем нет запаса дров у избышки. – Даже бересту не заготовил, азиат, – не зло ругнулся парень, беря топор и присматривая, куда лучше пойти за сушняком.

А Борода тем временем, прыгнув в лодку, выгребал на чистую воду через камыш, обильно росший по всему побережью.

Для того, чтобы лодка могла подходить вплотную к берегу утеса, он использовал единственный в этом месте небольшой ручеек, впадающий в озеро, и по его руслу подтягивал лодку, практически, до самого берега, если в этом была необходимость.

– По-другому в этом месте попасть с воды к избышке невозможно, – понял Саня.

Погода стояла отличная. Жара спала, гулял небольшой летний ветерок, что позволяло спастись от комаров, не давая им собираться в огромные черные тучи и гонять свою жертву до потери последней капли крови.

Настроение у Сани, да и у дяди Толи явно улучшилось. Вчерашний кошмар вспоминался уже как далекий и страшный сон, и здесь на «Глубоком», казалось, ничто не предве-

щало им беду...

Глава 42

Найдя подходящий сушняк, Санек, напевая любимую песню: – Здесь вам не равнины, здесь климат иной, идут лавины одна за одной, – принялся за знакомое для него дело. Учитывая тот факт, что отец ушел от них рано (парню тогда не было еще и семи лет) обязанность по обеспечению семьи дровами легла сразу на плечи пацана.

Первый свой костер (именно настоящий большой костер, а не какую-нибудь там поленницу) он сложил уже в пятом классе, расколов для этого в течение месяца добрых пять кубов леса, и с тех пор переколол этих дров несметное количество.

Ему нравился этот процесс. Особенно он любил делать это зимой, и особенно любил колоть березу. Чурбачки, которые он, кстати, уже с десяти лет и пилил сам, разлетались на морозе как орешки. Местные бабы, следовавшие мимо него на поселковый колодец за водой, с удивлением всегда говорили его матери: – Твой то, Нюр, уже мужик настоящий. Иду, смотрю, сам пилит. Дружба больше него, а ничего, справляется. Вон сколько навалил уже. Его там за поленьями и не видно. До самой весны хватит.

– Ну, что поделаешь, – как бы всегда извиняясь перед ни-

ми отвечала мать. – Мне ведь совсем некогда. Пока с работы приду, уже и семь часов, когда дровами-то заниматься, темно ведь уже совсем.

– Да что ты оправдываешься-то все время, – замечали ей бабы.

– Ну как же, ведь совсем еще ребенок, – жалостливо говорила мать.

Бабушка же его, наоборот, не могла нарадоваться, что из внучка растет помощник.

Она всегда, когда вокруг Санька собирались его дружки, желающие тоже попробовать попилить и уговаривающие его дать им разок пильнуть, высовывалась из двери и угрожая им клюкой приговаривала: – Ух, антихристы, пошли вон отсель, не мешайте человеку работать, архаровцы окаянные! Ужо я вам!

Хлопцы сразу же разбегались, хотя бабка ходить совсем не могла и передвигалась только по дому и то при помощи клюки, но уж очень почему-то ее все боялись. Так и говорили ему обычно, когда он приглашал к себе в гости: – Не, к тебе не пойдем, у тя бабушка очень злая!

На самом деле бабушка была добрейшей души человек и даже, когда она злилась, то скорее всего делала вид, что злится. По-настоящему это у нее никогда не получалось. И вот

именно сейчас Санек почему-то вспомнил бабушку, которая еще прошлой весной попрощавшись вечером со всеми, сказала: – Ну, что ребятки, не увижусь я с вами на этом свете больше. Похорони меня, Нюр, рядом с могилкой отца, да, и в сундучке на дне – это на гостинцы ребятам там немножко. Не закатывай больших поминок, нечего деньги зря тратить, вон у тебя скольких подымать надо, – она обвела взглядом внуков, – слушайте маму, детки, помогайте ей, и да поможет вам всем бог!

– Да, что ты такое говоришь-то, мам, – пыталась остановить ее Сашина мама, но бабушка уже отвернулась к стене, пожелав всем спокойной ночи, и заплакала без слез. Слез у нее уже давно не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.